Б. Гринченко
На безпросветном
пути.
К., 1907.

60R.

2

470756

25.05.80		N 328	
31.03.91-	300		
17.III-2000		266	
257	7.VII-2001		

53641
ПОЛТАВА.

Б. Гринченко.

На безпросвѣтномъ пути.

Объ украинской школѣ.

Видавництво „Вік".

Изданіе второе, исправленное.

У Київі, 1907.
З друкарні Т-ва „Просвѣщеніе“, колишнє Т-во
Н. А. Гирич, Трьохсвятит., 14.

Предисловіе.

Послѣ того, какъ эта работа появилась впервые въ X—XII книгахъ „Русскаго Богатства“ за 1905 г. (а затѣмъ вскорѣ и отдѣльною книжкою), цѣлый рядъ событій измѣнилъ очень многое въ положеніи украинскаго языка, отозвавшись и на дѣлѣ національизаціи нашей школы. Множество заявленій различныхъ общественныхъ группъ, и, между прочимъ, учительскихъ съѣздовъ, съ требованіями украинской школы; охватившая довольно широкіе слои народа агитація за украинскія каѳедры въ университетѣ; первыя попытки чтенія этихъ лекцій и многое другое хотя пока еще и не измѣнили положенія украинскаго языка по отношенію къ школѣ, но все-же ясно показали глубину, ширину и жизненность движенія и приблизили, въ извѣстной степени, благопріятное практическое разрѣшеніе вопроса. Но въ теоретическое обоснованіе его едва-ли всѣмъ этимъ послѣднимъ движеніемъ внесено что-либо новое. По-

этому мы сочли возможнымъ повторить изданіе нашей работы почти безъ перемѣнъ лишь съ небольшими поправками и дополненіями.

Читателю легко будетъ самому припомнить факты послѣдняго времени, которые лишь подчеркиваютъ и подтверждаютъ выводы автора.

Б. Гринче́нко.

Кіевъ, 9 апрѣля 1907.

I.

Движеніе въ пользу украинской школы.

„Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма неласково, напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во первыхъ, гораздо ни-

же народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ... Великорусская... грамота непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ“.

Эти слова могутъ привести въ удивленіе лицъ, не знакомыхъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Украинѣ и полагающихъ, что въ этой области обстоитъ тамъ все благополучно, т. е. не хуже, чѣмъ въ Великороссіи, и не только

привести въ удивленіе, а и просто показаться преувеличеніемъ, доведеннымъ до абсурда. А между тѣмъ слова эти принадлежатъ лицу, высокая авторитетность котораго въ педагогическихъ вопросахъ находится внѣ всякаго сомнѣнія: авторомъ ихъ является К. Д. Ушинскій [1]). Мнѣніе такого педагога не можетъ не возбудить вниманія тѣмъ болѣе, что затронутый имъ вопросъ является вопросомъ огромной важности. Въ самомъ дѣлѣ: украинцевъ въ Россіи 25 милліоновъ, и если Ушинскій правъ, то значитъ эти милліоны не только лишены необходимѣйшаго средства просвѣщенія—порядочной школы, но еще и подвергались въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ вліянію учрежденія, которое дѣлаетъ „хуже, чѣмъ ничего", такъ какъ „задерживаетъ на нѣсколько лѣтъ естественное развитіе дитяти", а душу человѣка „не развиваетъ, а портитъ". Иными словами: если Ушинскій правъ, то все, до сихъ поръ дѣлавшееся въ сферѣ народнаго образованія въ Украинѣ, является даже не нулемъ, а минусомъ въ дѣлѣ народнаго развитія. Естественно поэтому желаніе провѣрить мнѣніе Ушинскаго.

Но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса по существу, считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь, что, говоря такимъ образомъ, Ушинскій совсѣмъ не былъ одинокъ. Наоборотъ, мы видимъ, что въ томъ же напра-

---

1) Ушинскій, Педагогическая поѣздка по Швейцаріи, Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, 1863, январь, отд. III, 13—14; перепечатано въ „Собраніи педагогич. сочиненій" Ушинскаго, Сп., 1875 стр. 379—380.

вленіи высказался цѣлый рядъ другихъ педагоговъ и различныхъ компетентныхъ лицъ, а также земствъ и иныхъ общественныхъ учрежденій.

Вопросъ о необходимости учить украинцевъ на ихъ родномъ языкѣ сдѣлался такимъ, повидимому, запутаннымъ лишь впослѣдствіи, первоначально же онъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній, такъ какъ для всѣхъ казалось простымъ и яснымъ, что обучать дѣтей нужно на томъ языкѣ, на какомъ они говорятъ. Для возможности такого обученія начали создаваться и учебники—еще со второй половины 50-хъ годовъ XIX в.; прежде всего это были буквари и книжки для школьнаго чтенія: Кулиша (два: 1857 и 1861), Шевченка (1861), Азбука по методѣ Золотова (1861), Шейковскаго (1860, 1861), Гатцука (1861), Ященка (1862), затѣмъ ариѳметики: Мороза (1862) и Конисскаго (1863), свящ. исторія Опатовича (1863) и пр. „Основа" помѣстила рядъ статей какъ по поводу учебниковъ, такъ и вообще по вопросу о языкѣ школьнаго преподаванія (между прочимъ—статья Костомарова). Практически прилагались къ дѣлу эти учебники и вообще принципы обученія на родномъ языкѣ въ возникавшихъ съ 1859 г., сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ, воскресныхъ и ежедневныхъ школахъ, основывавшихся студентами-украинцами и другими лицами, а также и во временной педагогической школѣ въ Кіевѣ. Въ 1862—1863 гг. выдвинулся вопросъ о народномъ образованіи на югѣ и сѣверо-западѣ Россіи, и мѣстные педагоги высказывались за введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украинскаго, въ школѣ. Заявленія въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ запискахъ

педагоговъ виленскаго и кіевскаго учебныхъ округовъ, помѣщенныхъ въ „Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана народныхъ училищъ“ (1862).

Наиболѣе ясно освѣтили этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія педагогической, педагоги кіевскаго учебнаго округа. Почти всѣ гимназіи подали здѣсь голоса въ пользу народныхъ языковъ — бѣлорусскаго и особеннно украинскаго, при чемъ обстоятельнѣе говорятъ по этому поводу: совѣтъ 2-й кіевской гимназіи и директоръ житомірской гимназіи г. Пристюкъ. Совѣтъ гимназіи считаетъ невозможнымъ наглядное обученіе безъ народнаго языка, а потому находитъ необходимымъ „начинать наглядное обученіе и первоначальную грамоту на мѣстномъ народномъ языкѣ“.

Г. Пристюкъ предлагаетъ внимательно обсудить вопросъ: „не будетъ ли успѣшнѣе идти обученіе здѣшняго народа, если начать учить его грамотѣ не на великорусскомъ, а на малорусскомъ нарѣчіи, на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету, и потомъ получилъ первыя человѣческія понятія?“ На вопросъ этотъ онъ отвѣчаетъ утвердительно и проектируетъ для школъ книги для классного чтенія съ украинскимъ языкомъ,

Другой педагогъ, г. Вессель, впослѣдствіи членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ статьѣ: „Мѣстный элементъ въ обученіи“ (журналъ „Учитель“ 1862, стр. 839, 893, 949 и слѣд.), высказалъ положеніе, что общее образованіе безъ опоры на мѣстный элементъ невозможно, и находилъ необходимымъ, чтобы была „составлена книга для чтенія и на

малороссійскомъ языкѣ, которой, хотя бы нѣсколько сносной, до сихъ поръ у насъ не существуетъ, такъ что въ Малороссіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ не по чему и учить дѣтей родному языку. *А не обучать народъ родному языку, значитъ не дозволять развиваться мысли народной*, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значитъ оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ. Если же мы начнемъ обучать народъ не его языку, а хоть самому сродному, ближайшему, то сдѣлаемъ еще хуже: *мы извратимъ самостоятельное умственное развитіе народа, мы извратимъ всю духовную природу его*".

Въ то время 84 учителя кіевскихъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ (между прочимъ П. Чубинскій, В. Антоновичъ, М. Драгомановъ) подали въ с.-петербургскій комитетъ грамотности мотивированное заявленіе о необходимости преподаванія на украинскомъ языкѣ въ школѣ. Комитетъ отнессядкъ этому очень сочувственно и возбудилъ въ подлежащихъ сферахъ соотвѣтствуюшее ходатайство, но оно осталось безрезультатнымъ [1]). Въ то же время комитетъ издалъ „Списокъ русскихъ и малороссійскихъ книгъ, одобренныхъ комитетомъ грамотности для народныхъ учителей и школъ и для народнаго

[1]) См. объ этомъ: *Д. Протопоповъ*, Исторія С.-Петербургскаго комитета грамотности, состоявшаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ (Спб., 1898), стр. 20, 79—84. Того же мнѣнія о роли украинскаго языка въ школѣ для украинцевъ держался комитетъ и въ 1894 г.,—см. стр. 125—127 той же книги.

чтенія“ [1]).

Тогда же появилась и цитированная нами выше статья Ушинскаго, а другой педагогъ, В. И. Водовозовъ, разбирая [2]) вышедшую въ Вильнѣ въ 1863 г. книгу для народныхъ школъ виленскаго учебнаго округа, въ которой было помѣщено небольшое количество матеріала по бѣлорусски, высказался за необходимость комбинировать въ элементарной книгѣ для чтенія общеобразовательный матеріалъ съ народнымъ, за мѣстный элементъ и мѣстное нарѣчіе, даже если оно русское, полагая, что на немъ должна быть написана, по крайней мѣрѣ, треть школьной книги для чтенія.

Вопросъ былъ поставленъ совершенно правильно—на педагогическую почву, и, казалось, долженъ былъ и разрѣшиться удовлетворительно. Къ сожалѣнію тѣ, кому сіе было нужно, сейчасъ же осложнили его введеніемъ въ дѣло постороннихъ мотивовъ, главнымъ образомъ политическихъ. Началось это собственно еще съ изданія первой украинской азбуки— „Граматки“ Кулиша (1857): польскіе помѣщики-крѣпостники сдѣлали на нее доносъ, будто она призываетъ къ гайдамацкой рѣзнѣ, и книжка была запрещена администраціей,—впрочемъ на лѣвомъ берегу Днѣпра она продавалась довольно свободно.

---

[1]) Ibid., 276—283. Списокъ выдержалъ четыре изданія, украинскихъ книгъ включено было въ него довольно много, напр., въ беллетристическомъ отдѣлѣ число украинскихъ книгъ равнялось числу книгъ русскихъ.

[2]) „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія“, 1863, май, отд. V, 90—101.

Затѣмъ появились печатные доносы на „сепаратизмъ“ украинцевъ. Въ первый разъ это слово сказано было еврейской газетой „Сіонъ“, а затѣмъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ подхватили это обвиненіе, дополнивъ его другимъ: что украинцы и польскіе паны-повстанцы чуть ли не одно и тоже, не смотря на то, что именно польскіе помѣщики засыпали извѣстнаго Н. И. Пирогова, тогда попечителя кіевскаго учебнаго округа, а также и различныхъ высшихъ лицъ администраціи, жалобами и доносами на украинскія народныя школы и высмѣивали въ своихъ органахъ украинскую литературу. Второй силой, поднявшейся противъ этихъ школъ, было высшее духовенство, особенно митрополитъ Исидоръ, бывшій сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ,—съ этой стороны украинскія школы обвинялись въ вольнодумствѣ, нерелигіозности и пр. Вскорѣ (въ 1862) всѣ воскресныя школы были закрыты по обвиненію въ неблагонадежности, а изъ временной педагогической школы и вообще изъ школъ былъ изгнанъ украинскій языкъ. Въ новомъ школьномъ уставѣ слова „отечественный языкъ“ были замѣнены словами „русскій языкъ“ (преподаванія). Нѣкоторые изъ дѣятелей украинскихъ воскресныхъ школъ (Стронинъ, Конисскій и др.) были высланы на сѣверъ [1]). Вопросъ былъ сдвинутъ съ надлежащаго мѣста на политичес-

---

[1]) Подробности см. въ ст. „Украïнця“: Антрактъ з історії украïнофільства“. (Правда, 1876. № 12, стр. 471 и слѣд.), а также въ вышеупомянутой „Исторіи С.-Петерб. Комит. Грам.“, стр. 18, 79.

кую почву, и въ 1863 г. послѣдовало запрещеніе украинской литературы, кромѣ произведеній изящной словесности, „пропускомъ-же книгъ на малороссійскомъ языкѣ, какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, (приказано было) пріостановиться“ [1]).

Съ этого времени крики со стороны охранительной прессы объ украинскомъ сепаратизмѣ и украинской хлопоманіи поднимались каждый разъ, какъ только возникалъ въ печати вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ школѣ. Оставляя въ сторонѣ эти плоды охранительной проницательности, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что высказано было по интересующему насъ вопросу людьми, знавшими дѣло и правильно ставившими его на педагогическую почву, при чемъ, конечно, будемъ отмѣчать лишь болѣе значительное и существенное.

Въ 1862—1864 гг. М. П. Драгомановъ, позже профессоръ кіевскаго университета и извѣстный ученый, принималъ участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ и временной педагогической школахъ. Практика дѣла убѣдила его въ необходимости украинскаго языка при обученіи народа и свои мысли по этому вопросу онъ изложилъ въ статьѣ, напечатанной въ 1865 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 317, 318), и затѣмъ въ статьяхъ въ тойже газетѣ: „Земство и мѣстный элементъ въ народномъ образованіи“ и „Педагогическое зна-

---

[1]) См. это распоряженіе въ книгѣ г Лемке: „Эпоха цензурныхъ реформъ“, 302—304.

ченіе малорусскаго языка" (1866, № 93); здѣсь былъ представленъ имъ также и планъ книги для школьнаго чтенія, основанный на принципѣ: отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. По поводу этихъ статей въ томъ же направленіи высказались (въ той же газетѣ) и два земца: г. Закревскій и бар. Корфъ (въ статьѣ „Земскій вопросъ"). Шире и основательнѣе разъяснено это дѣло въ другой статьѣ Драгоманова и его жены, напечатанной (за подписью Л. Д.) въ „Вѣстникѣ Европы" (1874, VIII); „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи", гдѣ приведенъ былъ и обзоръ мнѣній по вопросу французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ и педагоговъ.

Но наиболѣе обстоятельному разсмотрѣнію подвергъ этотъ вопросъ Драгомановъ въ статьѣ „Народні школи" [1]), гдѣ дано также много матеріала и для исторіи дѣла. Указывая здѣсь на плохую постановку народнаго образованія вообще въ Россіи, онъ говоритъ, между прочимъ: „До такого лиха з школами, спільного по всій Россії, у нас на Україні прикладається ще своє особливе. У нас з самого початку учать мовою чужою, по книгах, що не пригнані до нашого краю і життя. Це лихо таке, которе тягнеться десятки років і само по собі може поставити наш народ позаду трохи не усіх народів в царстві руськім. І іменно цього лиха не хотять бачити не тільки начальство, а навіть і більша часть тих, хто пеклується в Россії про народню освіту, як напр. комитет грамотности, педагогич-

1) Громада, № 2, 1878, бік 120.

не товариство, газети і земства. Одні не хотять признатись, а другі бояться просто сказати, що народ наш дійсно не розуміє, як треба, школьної мови, котора що далі, все більш становиться з мішаної церковно-руської, прямо московською". (бік 143). По поводу заглавій распространенныхъ въ то время книгъ для школьнаго чтенія („Родное слово", „Родной міръ") онъ говоритъ: „Рідна мова", „Рідний світ"—добрі слова. Та кому рідні? Московцям, чи українцям? Що одному рідне, другому—чуже". (153) [1]). Онъ находитъ, что „необходимо разсмотрѣть въ подробностяхъ такое великое горе народное, какъ недостатокъ хорошей и своей школы, необходимо разъяснить его множествомъ отдѣльныхъ примѣровъ, чтобы для каждаго сдѣлалось очевиднымъ, что такъ дальше жить невозможно" (стр. 120). Разсмотрѣвъ вопросъ, насколько позволяли ему матеріалы, онъ приходитъ къ тому выводу, что „никогда не можетъ быть живой научной школы въ Украинѣ безъ украинскаго языка" (стр. 208), а безъ такой школы невозможно самое дѣло народнаго просвѣщенія.

---

[1]) Сравн. мнѣніе одвого крестьянина изъ Полтавской губ.: „Прежде чѣмъ устраивать артели, нужно дать образованіе и—лучше и прежде всего—на родномъ языкѣ; слѣдуетъ сдѣлать учебники въ школахъ доступными пониманію крестьянскихъ дѣтей, а то просто становится страннымъ: мальчику 8 лѣтъ даютъ „Наше родное" (Баранова), которое есть въ сущности не наше родное, а „Наше чужое", потому что ученикъ читаетъ какіе-то щи, супъ, ухватъ кулебяка и т. п., то, чего онъ никогда не слыхалъ и не слышитъ кругомъ себя". „Хуторянинъ", 1900, № 51. (Корреспонденція изъ Гадяча).

Мы уже упоминали, что извѣстный земскій дѣятель по народному образованію бар. Н. А. Корфъ высказался въ пользу введенія украинскаго языка въ школу по поводу статей Драгоманова. Въ другомъ мѣстѣ, въ своемъ „Отчетѣ члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта" (1868), онъ рядомъ примѣровъ удостовѣряетъ, что украинскій ребенокъ не знаетъ того языка, на которомъ его будутъ обучать (стр. 87—88). Въ своемъ руководствѣ для земскихъ гласныхъ и народныхъ учителей: „Русская начальная школа", бар. Корфъ школу съ русскимъ языкомъ среди украинцевъ приравниваетъ къ школѣ среди инородцевъ (стр. 44), а о послѣдней говоритъ слѣдующее: „Русская школа для инородцевъ отнюдь не должна посягать на національную особь инородцевъ и все, что ей дорого: религія, обычаи инородцевъ должны остаться неприкосновенными, языкъ инородцевъ долженъ найти мѣсто въ русской инородческой школѣ, насколько онъ не помѣшаетъ изученію ими русскаго языка (?); пѣсни и историческіе разсказы, хотя бы послѣдніе и совершались на русскомъ языкѣ, должны напоминать инородцамъ о преданіяхъ ихъ національности, для того, чтобы національное чувство ихъ было внѣ всякой опасности въ русской школѣ, которая явилась бы въ глазахъ инородцевъ учрежденіемъ, воспитывающимъ дѣтей въ уваженіи ко всякой національности и обучающимъ русскому языку, какъ такому, безъ котораго невозможно обойтись инородцамъ, живущимъ въ Россіи, и который со многими можетъ соперничать въ богатствѣ и красотѣ. Только та русская школа, которая пойдетъ такимъ путемъ, доведетъ питомцевъ сво-

хъ до любви къ Россіи, какъ отечеству, въ коромъ всему разноплеменному населенію дышется легко" [1]).

Не будемъ останавливаться на многочисленыхъ статьяхъ, появившихся по занимающему асъ вопросу въ русской и украинской прессѣ и ѣшавшихъ его въ томъ же направленіи, какъ поименованные авторы; отмѣтимъ лишь, что зъ этихъ статей въ русской журналистикѣ наиолѣе интересная принадлежитъ А. Я. Ефименко: „Малорусскій языкъ въ народной школѣ"[2]).

Съ 1870 г. вопросъ этотъ былъ поднятъ и емствомъ. Гласный Н. Константиновичъ внесъ ъ *черниговское уѣздное* земское собраніе предоженіе ходатайствовать предъ правительствомъ правахъ „мѣстнаго нарѣчія" при преподаваніи въ іколѣ и указалъ на то, что русскій языкъ „восе почти непонятенъ для нашихъ крестьянкихъ мальчиковъ". Собраніе постановило возудить ходатайство [3]).

Въ 1881 году вопросъ этотъ поднятъ былъ въ *черниговскомъ губернскомъ* земствѣ. Школьая коммиссія въ своемъ докладѣ указывала на еобходимость, чтобы „при организаціи школъ ыли приняты во вниманіе какъ этнографиче-

---

[1]) „Русская начальная школа", изд. V, 1876, стр. 91-192.

[2]) „Слово", 1881, № 1. Перепечатана во второмъ омѣ сборника статей г-жи Ефименко „Южная Русь". Въ краинской прессѣ см. статью г. П. Вартового „Яка тепер ародня школа на Вкраїні" („Житє і слово", 1896), вышла отдѣльной книжкой).

[3]) *Черниговецъ*, „Вопросъ о народномъ языкѣ въ колѣ". („Южныя Записки", 1904, № 12).

скія особенности населенія, при рѣшеніи вопроса на какомъ языкѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы при составленіи матеріала для учебныхъ книгъ". Изгнаніе изъ школы родного языка учащихся и обученіе ихъ на русскомъ „приводитъ, во-первыхъ, къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства... и, во-вторыхъ, устанавливаетъ извѣстный разладъ между семьею и школою и увеличиваетъ въ населеніи мѣстностей тотъ вредъ полуобразованія, который отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьѣ и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполняетъ ихъ новымъ содержаніемъ". Земское собраніе постановило ходатайствовать: „о допущеніи народнаго мѣстнаго языка въ школьное преподаваніе и о разрѣшеніи изданія учебниковъ, составленныхъ, согласно этой потребности, на народномъ языкѣ"[1]).

Отвѣта на ходатайство не было получено никакого, и этотъ вопросъ былъ вновь поднятъ черниговскими земцами. Гласный И. Л. Шрагъ выступилъ съ докладомъ „О допущеніи народнаго языка въ народную школу", въ которомъ находилъ необходимой эту мѣру, при чемъ опирался какъ на практику дѣла, такъ и на рядъ мнѣній авторитетныхъ въ вопросѣ лицъ. Докладъ этотъ былъ поддержанъ губернской земской управой и постановленіемъ *борзенскаго* земства, и въ 1900 г. по немъ было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство, которое также остается

---

[1]) См. отчетъ о черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи сессіи 1880 г., состоявшемся въ январѣ 1881 г., стр. 664—666 и 206.

до сихъ поръ безъ отвѣта [1]).

Херсонское губернское земство подняло тотъ же вопросъ по инициативѣ съѣзда народныхъ учителей, происходившаго въ 1881 г. подъ руководствомъ Н. А. Корфа, и на возбужденное земскимъ собраніемъ ходатайство также не было дано отвѣта [2]). Аналогичное ходатайство, по докладу гл. П. А. Зеленаго (впослѣдствіи городской голова г. Одессы), было возбуждено въ 1895 г. и *елисаветградскимъ* земствомъ [3]).

Въ *полтавскомъ* губернскомъ земствѣ вопросъ о введеніи украинскаго языка въ школу былъ затронутъ въ 1900 году по поводу изданія для школы книгъ, доступныхъ населенію по языку и содержанію, гл. В. Н. Леонтовичемъ, которымъ затѣмъ и былъ представленъ собранію докладъ: „Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ Полтавской губ.“ (Полт. 1901). Подробно указавъ вредъ, происходящій отъ чужеязычной школы, г. Леонтовичъ высказывается за введеніе въ школу украинскаго языка, какъ языка преподаванія, за допущеніе въ школу украинскихъ учебниковъ и другихъ книгъ и за отмѣну существующихъ ограниченій украинскаго слова [4]). Вопросъ этотъ разсматривался

---

[1]) „Стенографическій отчетъ засѣданій черниговскаго губ. земскаго собранія XXXVI очередной сессіи 1900 г.“, стр. 490—514;—Черниговецъ, „Вопросъ о народномъ языкѣ въ школѣ“ („Южныя Записки“, 1904, № 12).

[2]) „Сборникъ херсонскаго земства“, 1901, май, земская хроникв, 212.

[3]) „Журналъ елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія 1895 г.“

[4]) Ниже мы останавливаемся подробнѣе на нѣкоторыхъ пунктахъ этого интереснаго доклада.

въ губернскомъ собраніи въ декабрѣ 1904 г., и собраніе согласилось съ пожеланіями г. Леонтовича, поставивъ вопросъ собственно о языкѣ преподаванія такимъ образомъ: „Малорусскій языкъ въ школѣ долженъ быть поставленъ не только какъ помогающій объясненію, но какъ изучаемый наряду съ государственнымъ. Помимо того педагогическаго значенія, какое можетъ имѣть для успѣшнаго хода ученія родной языкъ, есть еще и другая сторона—нравственно-воспитательная: изученіе родной рѣчи въ школѣ заставитъ дѣтей уважать тотъ языкъ, который есть достояніе его семьи, и не стараться, яко бы во имя культурности, говорить на какомъ-то коверканномъ языкѣ, отдаленномъ значительно отъ родного и еще болѣе не дошедшемъ до правильной русской рѣчи. Въ виду этихъ мотивовъ, собраніе постановило ходатайствовать о допущеніи права земствамъ вводить въ школьный курсъ изученіе малорусскаго языка, проводя это изученіе черезъ всю школу“ [1]).

Двѣ городскія думы въ 1905 году занялись этимъ вопросомъ. Въ одномъ изъ засѣданій *полтавской* думы единогласно, безъ предварительныхъ преній, возбуждено ходатайство, чтобы въ учреждаемой думой школѣ имени И. П. Котляревскаго обученіе производилось такимъ образомъ: „1) Преподаваніе грамоты должно начинаться съ обученія чтенію и письму на малорусскомъ языкѣ по малорусскимъ букварямъ и книгамъ для чтенія. 2) Преподаваніе закона Бо-

---

1) „Кіевская Старина“, 1905, I. Документы, извѣстія и замѣтки, 32.

жія и ариѳметики должно происходить также на малорусскомъ языкѣ, по малорусскимъ учебникамъ. Въ особенности это представляется необходимымъ въ преподаваніи закона Божія, который, по своему вліянію на душевное развитіе учащихся, требуетъ какъ можно болѣе доступнаго для дѣтей изложенія. 3) Обученіе чтенію и письму по русскому языку должно начинаться со 2-го года обученія и составлять отдѣльный необходимый и важный предметъ. 4) Обученіе родиновѣдѣнію и естествознанію должно начинаться съ изученія близкой ученику мѣстности и природы черноземной полосы и въ дальнѣйшемъ прохожденіи охватывать характерныя особенности Южной Руси, ея физической природы, бытовыхъ, экономическихъ и историческихъ условій прошлой и современной жизни ея населенія. 5) При ознакомленіи учащихся съ русской литературой, учителя должны знакомить ихъ съ лучшими образцами литературы малорусской" [1]). Ходатайство это осталось безъ удовлетворенія.

Одесская дума разсмотрѣла докладъ городского головы П. А. Зеленаго, доказывающій, что „мѣстному учителю приходится преодолѣвать невѣроятныя затрудненія даже при обученіи русскому букварю, такъ какъ сразу же малорусскій ребенокъ наталкивается на непонятныя, хотя и простыя для великорусса слова", при чемъ существующія книги для школьнаго чтенія не обращаютъ вниманія на мѣстныя культурныя, географическія и историческія особенности; докладчикъ присоединяется къ мнѣнію Ушинскаго о

---

[1]) „Кіевскіе Отклики", 4 апрѣля 1905, № 94.

малорусской школѣ и указываетъ на то, что современная система преподаванія не дала ничего даже для (поставленной бюрократіей) цѣли— ассимиляціи малороссовъ съ великоруссами [1]). По этому докладу возбуждено ходатайство объ отмѣнѣ запрещеній украинскаго слова, о допущеніи въ школьныя (и народныя) библіотеки учебниковъ и книгъ для чтенія на украинскомъ языкѣ, о допущеніи хотя бы объясненій учителя по украински „если-бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, а русскій языкъ сдѣлать особымъ предметомъ преподаванія" [2]).

Затѣмъ дѣйствовавшіе съ 1902 г. сельскохозяйственные комитеты также не прошли мимо этого вопроса. Комитеты: *хотинскій*, *бердянскій*, *ананьевскій*, *лубенскій*, *полтавскій*, *лохвицкій*, *черниговскій*, *конотопскій*, *воронежскій* высказались въ томъ же направленіи, находя необходимымъ введеніе, въ той или иной формѣ, въ народную школу украинскаго языка. Въ докладахъ этихъ комитетовъ указывается на непомѣрныя трудности обученія дѣтей на чужомъ языкѣ, а также на то, что современная школа не способна развить любовь къ знанію, самообразованію (хотинскій комитетъ), что пренебреженіе народнымъ языкомъ порождаетъ невольно неуваженіе и къ самому народу, говорящему на

---

1) „Кіевская Старина", 1905. Документы, извѣстія и замѣтки, 23—27.

2) „Кіевская Старина", 1904, III. Документы, извѣстія и замѣтки, 259—260.

этомъ языкѣ [1]).

Въ 1903 г. бывшій въ Петербургѣ Техническій съѣздъ нашелъ нужнымъ вообще введеніе народнаго языка въ первоначальное преподаваніе [2]).

Наконецъ, въ 1905 г. совѣтъ харьковскаго университета, принявъ „Записку", выработанную коммиссіей профессоровъ университета по вопросу о запрещеніи украинскаго языка, единогласно высказался противъ стѣсненій украинскаго слова и между прочимъ постановилъ: „Не касаясь вопроса о языкѣ преподаванія въ первоначальной школѣ въ малороссійскихъ губерніяхъ, такъ какъ этотъ вопросъ совершенно изъятъ изъ обсужденія, совѣтъ во всякомъ случаѣ находитъ необходимымъ, чтобы въ начальныхъ школахъ въ мѣстностяхъ съ малороссійскимъ населеніемъ было введено обученіе малороссійскому чтенію и письму и чтобы предоставлено было помѣщать въ русскихъ учебникахъ переводы и объясненія малопонятныхъ для дѣтей малороссовъ русскихъ словъ и выраженій, равно какъ издавать на малорусскомъ языкѣ литературныя хрестоматіи и другія педагогическія пособія [3]).

Эта статья была уже приготовлена къ печати, когда въ „Полтавщинѣ" появилась записка, поданная въ комитетъ министровъ 50-ю воспи-

---

[1]) См. сводъ мнѣній комитетовъ въ статьѣ г. Черниговца: „Народный языкъ въ школѣ и книгѣ". („Южныя Записки", 1904, № 25).

[2]) Ibid., стр. 9.

[3]) „Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ", Харьк., 1905, отдѣльн. оттискъ, стр. 15.

танниками одной учительской семинаріи на югѣ Россіи, говорящая о нуждахъ украинской школы. Изъ подписавшихъ записку болѣе 10 душъ были уже народными учителями, а составъ ихъ по происхожденію таковъ: 25 крестьянъ, 17 козаковъ и пр. Они приходятъ къ выводу, „что украинская народная школа достигнетъ желательныхъ результатовъ только тогда, когда преподаваніе въ ней будетъ вестись на языкѣ украинскомъ“[1]).

---

[1]) См. „Полтавщину“ отъ 6 мая 1905 г., № 117, „Любопытный документъ“. Кромѣ того, тамъ говорится: „Какъ средства вспомогательныя и переходныя къ болѣе широкой постановкѣ и созданію національной школы, считаемъ необходимымъ введеніе въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и особенно такихъ, откуда выходятъ учителя для народной школы, какъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія: а) украинскаго языка, б) исторіи украинской литературы, в) исторіи Украины“.—Послѣ того, какъ эта наша статья была отослана въ печать и до ея появленія въ X—XII книгахъ „Русскаго Богатства“ за 1905 г., появился цѣлый рядъ подобныхъ постановленій и заявленій. Отмѣтимъ извѣстное намъ. *Херсонское* земское совѣщаніе по народному образованію большинствомъ голосовъ высказалось за преподаваніе въ школѣ на украинскомъ языкѣ (Кіевск. Старина, 1905, XI—XII, 85—87). Губернскій съѣздъ *полтавской* группы всероссійскаго союза учителей 20 ноября единогласно высказался за преподаваніе на украинскомъ языкѣ (при русскомъ языкѣ какъ предметѣ изученія), за составленіе необходимыхъ украинскихъ учебниковъ, изданіе украинскаго дѣтскаго журнала, открытіе для учителей временныхъ курсовъ украинскаго языка, исторіи Украины и украинской литературы, введеніе этихъ предметовъ въ курсъ учительскихъ семинарій и объ открытіи въ университетахъ Кіевскомъ, Харьковскомъ и Одесскомъ особыхъ каѳедръ по тѣмъ же предметамъ, а также каѳедры украинской этнографіи (Кіевск. Старина, 1905, XI—XII, 88—91). Подобное же постановленіе сдѣлано въ ноябрѣ въ Миргородѣ съѣздомъ земскихъ народныхъ учителей *миргород-*

II.

Непонятность русскаго языка украинскимъ дѣтямъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣлый рядъ педагоговъ, земствъ, городскихъ думъ и другихъ учрежденій высказался въ томъ же духѣ, какъ и Ушинскій, т. е. отрицательно по отношенію къ существующей для украинцевъ чужеязычной школѣ и за замѣну ея школой съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Необходимость этого вытекаетъ прежде всего изъ факта непонятности школьнику-украинцу русскаго язы-

---

скаго уѣзда (Полтавщина, 1905, № 287). За желательность преподаванія на украинскомъ языкѣ единогласно высказалось общее собраніе членовъ общества взаимопомощи народныхъ учителей *екатеринославской* губ. (Кіев. Старина, 1905, XI—XII, 102).—Наконецъ, интересно мнѣніе самихъ крестьянъ. Въ *золотоношскомъ* уѣздѣ частнымъ образомъ сдѣланъ былъ опросъ крестьянъ: на какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ народной школѣ? Изъ опрошенныхъ было 145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ а всего 378 человѣкъ въ возрастѣ отъ 16 до 65 лѣтъ. Изъ нихъ 324 человѣка высказались за украинское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 (всѣ—богатые мужики) стояли за русское преподаваніе (Кіев. Старина, 1905, VII—VIII, 63—65). Если принять во вниманіе степень освѣдомленности крестьянъ въ общихъ вопросахъ просвѣщенія, степень очень низкую, благодаря отсутствію самого просвѣщенія, нельзя не признать результатъ этого опроса очень замѣчательнымъ: народъ не знаетъ никакихъ теоретическихъ основъ для украинской школы, но практика приводитъ его къ выводу о необходимости ея.

ка, на которомъ ведется въ настоящее время обученіе.

Но дѣйствительно ли эта непонятность такъ велика?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ фактамъ, къ тому матеріалу, который даютъ намъ школьные учебники и сообщенія, какъ печатныя, такъ и письменныя, различныхъ лицъ о томъ, какъ понимаются эти учебники дѣтьми-украинцами.

Для примѣра возьмемъ первыя четыре строчки одной изъ популярнѣйшихъ басенъ Крылова, попадающейся чуть не въ каждой школьной книжкѣ [1]) — „Лягушка и волъ".

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

Разсмотримъ это слово за словомъ.

Лягушка, а по украински —*жаба*..

На лугу. Русскій *лугъ* называется по украински *лука*, а украинское слово *луг* значитъ: а) лѣсъ на низинѣ, б) щелокъ; такимъ образомъ для украинскаго школьника выраженіе *на лугу* будетъ равносильно русскимъ: *на лѣсу* или *на щелокѣ*, т. е. будетъ казаться несообразностью; кромѣ того, правила украинскаго склоненія требуютъ въ этомъ падежѣ формы: *на лузі*.

Увидѣвши, а по украински—*побачивши*.

---

[1]) См. напр. „Бук-арь" гг. Тихомировыхъ, изд. 147-е, Москва, 1903, стр. 30.

Затњяла—по украински—*витіяла, вигадала, замірилась.*

Въ дородствњ. Дородство по украински—*огрядніст*ь. Кромѣ того, по украински нельзя сравняться *въ чемъ*, а лишь „зрівнятися *чим*“ (творит. пад.).

Съ—по украински *з.*

Сравняться—зрівнятися.

Она—вона.

Завистлива—завидюща, заздра.

Была—була.

Топорщиться — пиндючитися, надиматися.

Пыхтњть—пухтіти, пухкати.

Надуваться—надиматися.

И такъ, оказывается, что если оставить въ сторонѣ дважды повторенный союзъ *и* и два предлога *на* и *въ*—изъ остальныхъ 17 словъ популярнѣйшей въ школахъ басни лишь три по своему правописанію будутъ понятны нашему школьнику: *сама, вола, нимъ*, при чемъ два послѣднія выговариваются по украински иначе, чѣмъ по русски. И въ такомъ родѣ вся басня до конца.

Каждая страница обращающихся въ школѣ учебниковъ можетъ служить такимъ же точно примѣромъ. Возьмемъ, напр., 4-ую и 5-ую страницы букваря Тихомировыхъ, гдѣ помѣщены слова для самыхъ начальныхъ упражненій въ чтеніи. Не считая слоговъ и повтореній, мы находимъ тамъ 36 словъ, и изъ нихъ *двадцать* непонятны нашему начинающему ученье школьнику. (Маша, мамаша, Саша, сума, суша, малъ, Малаша, шалашъ, шла, ушла, сусло, ура, моръ, ромъ, соръ, ссора, росъ, русло, шаръ), а изъ остальныхъ 16 большая часть выговаривается иначе.

И это съ перваго же урока!

Еще хуже положенiе, когда встрѣчаются слова приблизительно однозвучныя съ украинскими, но имѣющiя совершенно иное значенiе, напр. русское слово *шаръ* значитъ по украински—*слой*, *люлька*—курительная трубка, *луна*—эхо, *наглый* скоропостижный, русское *уродливый*, по украинскому произношенiю *уродлйвий*—значитъ красивый и пр. и пр. Намъ припоминается одна учительница-великорусска, которая, попавъ въ школу въ Украинѣ, по началу крайне возмущалась тупостью и глупостью своихъ учениковъ, приводя этому и примѣры. Читала она, напр., съ ними какой то разсказъ и встрѣтилась тамъ фраза: „Красная рожа выставилась изъ калитки".

— И представьте себѣ, какъ мнѣ они это передали?—негодовала учительница.—Я не могу разсказать это по ихнему, но смыслъ тотъ, что кто-то рвалъ цвѣты и вынималъ изъ кошелька.

Передача являлась очевидно нелѣпой, а между тѣмъ ученики по своему были правы. *Красный*—по украински значитъ красивый, *рожа*—роза или мальва, *калитка*—кошелекъ, такимъ образомъ приведенная фраза могла быть понятой ими въ такомъ смыслѣ: красивая роза (мальва) выставилась изъ кошелька.

Нужно еще принять во вниманiе, что при разницѣ склоненiй и спряженiй въ сравниваемыхъ языкахъ русская глагольная форма звучитъ иногда какъ украинское существительное или прилагательное, падежъ существительнаго—какъ глаголъ и пр., напр., русское прошедшее время отъ глагола пить--*пилъ* однозвучно съ украинскимъ существительнымъ *пiл*—родъ низкихъ полатей, замѣняющихъ въ хатахъ кровати; родительный па-

дежъ русскаго существительнаго пасть—*пасти* будетъ украинскими учениками понятъ лишь какъ неопредѣленное наклоненіе глагола *пасти* (пасть скотъ, напр.) и пр. Затрудненія, создаваемыя всѣми такими созвучіями, гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя происходятъ отъ несходства словъ, относящихся къ одному и тому же понятію. Имѣя предъ собою просто незнакомое слово, ученикъ естественно желаетъ узнать его значеніе, „здѣсь же слово, повидимому, знакомо, надъ нимъ нечего задумываться, ученикъ храбро читаетъ далѣе и, конечно, теряетъ смыслъ прочитаннаго, оно представляется ему какою-то странною безсмыслицею, наборомъ словъ, не относящихся другъ къ другу, и когда ученикъ, вѣря авторитету книги, и пытается все же разобраться въ этомъ наборѣ сбивающихъ его словъ, подыскиваетъ объясненія, могущія, по его мнѣнію, какъ-нибудь связать ихъ, тогда у него, при малыхъ его знаніяхъ и развитіи, возникаютъ самыя нелѣпыя и фантастическія построенія, ничуть не похожія на сказанное въ книгѣ“ [1]).

До какой степени нелѣпости и фантастичности могутъ доходить эти построенія, можно было бы показать на массѣ фактовъ, взятыхъ изъ жизни школы. Вотъ кое-что.

Во 2-й части „Родного слова“ Ушинскаго есть статейка „Уточка“ (стр. 45-я, 63 изд.): „Сидитъ Вася на бережку, смотритъ онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются“ и проч. Дальше разсказывается, какъ „сталъ Вася уточекъ кликать:

---

1) *В. Леонтовичъ.* Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ Полтавской губ., стр. 10.

ути, ути!“ и пр. Сейчасъ же послѣ этого разсказа слѣдуютъ три статейки о гусяхъ съ картинкой, изображающей этихъ птицъ. Ученикъ, третій годъ учащійся въ школѣ, передалъ разсказъ объ уткахъ такимъ образомъ:

— Сиділа Васька на березі та прудила блохи та ще й лається: „Тю! тю! які здорові,—наче гуси! [1]).

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: „Сидѣла Василиса на берегу и выгоняла изъ одежды блохъ, ца еще и ругается: „Тю! тю! (выраженіе, обозначающее здѣсь сильное удивленіе) какія большія,—словно гуси!“

Эта удивительная передача прочитаннаго получилась слѣдующимъ образомъ: *Вася*, *Васька*—по украински имя не мужское, а женскаго рода—Василиса, *прудъ*—по украински называется *став*; но русское слово *прудъ* по созвучію напоминаетъ нашему школьнику глаголъ *прудити*—изгонять изъ одежды насѣкомыхъ; *ути*, *ути* напомнило, также по созвучію, *тю*, *тю*, а рядомъ находящіяся заглавія и картинка съ гусями подсказали сравненіе блохъ, явившихся вслѣдъ за глаголомъ *прудити*, съ этою почтенною птицею.

Благодаря неизбѣжности подобнаго улавливанія смысла прочитаннаго, между учениками и преподавателями происходятъ вѣчныя недоразумѣнія. Читаютъ, напр., статью о коровѣ, а въ ней фразу: Напьемся мы теплаго *парного* молока прямо изъ подъ коровы“. При пересказѣ уче-

---

1) *Вільхівський.* Народопросвітні книжки (Літературно-науковий Вістник, 1901, XII, 115).

никъ излагаетъ:

— Есть такія коровы, которыя даютъ „уже парене молоко".

Удивленный учитель спрашиваетъ:

— Гдѣ же ты видѣлъ такихъ коровъ, которыя даютъ *не* парное молоко?

На это ученикъ отвѣчаетъ, что такихъ коровъ онъ видѣлъ вездѣ, и у насъ, молъ, такія, а вотъ тѣхъ, у которыхъ парится молоко само въ животѣ,—такихъ онъ не видалъ... Дѣло въ томъ, что русское слово *парное* ученикъ понялъ какъ украинское *парене*, т. е. кипяченое [1]).

Или вотъ еще картинка съ натуры изъ жизни одной школы Нѣжинскаго уѣзда.

Пріѣзжаетъ въ школу инспекторъ и приказываетъ ученикамъ читать что-то изъ школьной хрестоматіи. Читаютъ описаніе церкви, начинающееся фразой: „Когда ты въѣзжаешь въ городъ или село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза?—Церковь... Колокольню ты еще версты за двѣ завидѣлъ..." [2]). По прочтеніи ученики не могли пересказать, и инспекторъ помогаетъ имъ наводящими вопросами:

— Ну, скажите, что бросается въ глаза, когда вы въѣзжаете въ село?

Ученики подумали и отвѣтили:

— Собаки.

Послѣ долгихъ переспросовъ ученики назвали, наконецъ, церковь.

---

[1]) „Педагогическая хроника", 1879, № 4. Съ юга Россіи.

[2]) Статейка Рождественскаго,—можно найти въ различныхъ хрестоматіяхъ.

— Что же вы видите прежде всего въ церкви?

— Бабів та дівчат у бабинці—отвѣчаютъ дѣти. (Женщинъ и дѣвушекъ въ притворѣ).

Инспекторъ начинаетъ уже сердиться, но все же продолжаетъ добиваться своего.

— А на церкви, выше всего, что вы видите?

— Баню! (куполъ)—хоромъ отвѣтили ученики.

— Да что они,—смѣются надо мной, что ли?—раскричался на учительницу инспекторъ.— Какая можетъ быть баня на церкви?

Подобныхъ примѣровъ недоразумѣній между учениками и учителями и вообще удивительнѣйшихъ по своей несообразности объясненій русскихъ словъ и выраженій можно было бы привести множество [1]). Совершенно естественно поэтому, если въ письменныхъ работахъ учениковъ постоянно попадаются такіе, напр., перлы: „Вилы—травоядная животная“, „Слива—плодоядное (вм. плодовое) дерево“ и пр.

---

[1]) Для интересующихся помѣщаемъ здѣсь кое что изъ нашего запаса, а также и изъ матеріала уже опубликованнаго (см. Вартовий, 28). Впереди мы ставимъ русское слово, затѣмъ одно или нѣсколько его объясненій, сдѣланныхъ учениками и, наконецъ, въ скобкахъ, переводъ этихъ объясненій по русски. Предупреждаемъ, что нелѣпость ученическихъ объясненій во многихъ случаяхъ такъ сказать, лишь кажущаяся, ибо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ребенокъ имѣлъ въ своемъ собственномъ языкѣ основаніе именно для такого, а не иного объясненія; конечно, это въ свою очередь не исключаетъ возможности объясненій, сдѣланныхъ прямо наугадъ со стороны учениковъ, отчаявшихся въ возможности разобраться въ путаницѣ непонятныхъ словъ и принявшихся за угады-

Но этими трудностями дѣло не ограничивается. Грамматика и синтаксисъ языковъ русскаго и украинскаго разнятся не менѣе, чѣмъ лексика. Такъ, однозначущіе глаголы и предлоги управляютъ въ нихъ разными падежами; въ обоихъ языкахъ есть формы и обороты, не присущіе другому. и пр. Когда, напр., украинскій

ваніе: авось попаду какъ разъ на то, что нужно!

Кладъ—кладка (узкій мостикъ черезъ ручей).

Глупость—як не чути нічого (время, когда ничего не слышно; срав. *глупа ніч*—глухая ночь).

Пенька—пеньок, опеньки, піна (пень, грибъ Agaricus melleus Wahl, пѣна)

Муравей—журавель (журавль).

Прибыль—прибули (прибыли).

Шмель—хміль, шенеля (хмѣль, шинель).

Вѣки—як вітер віє; як хто вмре, дак вік виживе (когда вѣетъ вѣтеръ; если кто умеръ, то вѣкъ отжилъ).

Водоворотъ—воду возять (возятъ воду).

Кустъ—капуста; хата пустка (капуста, пустая изба).

Кротъ—птиця, рот, коротке що небудь (птица, кротъ, что нибудь короткое).

Указка—казка (сказка).

Колоколъ—як що колють (когда что-либо колятъ).

Букашка—птичка, на жито плугом залізним букарють (птичка, особый родъ вспашки подъ рожь).

Лучи—там, де лучче (тамъ, гдѣ лучше).

Бабочка—жінка, балочка, бабки ростуть на шпилі (женщина, степной оврагъ, родъ растенія).

Площадь—дошка (доска).

Жутко—тихо, жарко, дуби шумлять (тихо, жарко, дубы шумятъ.)

Около липы—коло ока літають, хочуть укусити (вокругъ глаза летаютъ, желая укусить).

Улитка—літо, улік, дівчину звуть, як птиця літає (лѣто, улей, имя дѣвушки, полетъ птицы).

Прудъ—як вода прудко йде та крутиться (водоворотъ).

Сурокъ—лопата (лопата).

ребенокъ читаетъ: „она пошла за водой",—это ему кажется смѣшнымъ, такъ какъ по украински можно сказать *по воду*, а *за водой* значитъ, что ее понесло по теченію воды. Метафоры и прочіе образы и украшенія прибавляютъ новыя трудности къ пониманію русской рѣчи: дѣло въ шляпѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ, убить время, вышелъ изъ себя, сгорѣла со стыда, смотритъ сентябремъ, войти во вкусъ и пр., и пр.—всѣ эти прекрасныя выраженія являются причиной

Ель—як собака їсть, як хто їде (если собака ѣстъ, если кто ѣдетъ).

Роща лощина, дощ (ложбина, дождь).

Щелка—по щоках б'ють (по щекамъ бьютъ).

Туловище—як затуляють (когда заслоняютъ).

Бобъ—Бог, тхорик, чирвак (Богъ, хорекъ, червякъ).

Щи—щітка, зуби (щетка, зубы).

Бревно—як різун заріже або палець обірве (если рѣзь въ животѣ или нарывъ на пальцѣ).

Эхо—лихо, хворий каже: ех! (бѣда, больной говоритъ: эхъ!)

Мель—міль, мідь, що мелють (моль, мѣдь, то, что мелятъ).

Ежъ—як хто їсть (если кто-нибудь ѣсть).

Качель—як хто ткачує (если кто-нибудь ткачъ).

Аистъ—як хто їсть, то й аїст (если кто-либо ѣстъ, тотъ и аистъ).

Шорохъ—шахта (шахта).

Чиновникъ—той, що шкури чинить (тотъ кто выдѣлываетъ кожи).

Жилище—залізо (желѣзо).

Соты—ними орють (ими пашутъ).

Лиза—як чешуть, то волосся лізе (когда причесываютъ, вылазятъ волосы).

Морковь—м'ясо жарене (жареное мясо).

Всѣ эти объясненія даны учащимися первый годъ.

См. еще статью г. Б. Д-ра: „Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога". (Кіевск. Старина, 1884, XII, 751).

постоянныхъ мученій учениковъ и учителей,— такъ трудно ихъ объяснить.

Къ этому необходимо еще прибавить, что даже общія обоимъ языкамъ слова, за крайне малыми исключеніями, выговариваются украинцами совсѣмъ иначе; *о* никогда не выговаривается какъ *а*, *е*=*э*, *и*=звуку среднему между *ы* и *и*; *в* никогда не произносится какъ *ф* и именно въ концѣ словъ выговаривается какъ полугласная, средняя между *в* и *у*; *г*=латинскому *h*; *ф* огромное большинство украинцевъ совсѣмъ не выговариваетъ, замѣняя его звуками *х*, *хв*, *п* или *т*, и пр. Поэтому рѣчь говорящаго по русски учителя кажется нашему ученику крайне странною и непонятною даже тогда, когда слова и могли бы быть понятны. Насколько это важно, — мы сами отлично знаемъ на тѣхъ примѣрахъ, когда человѣкъ хотя бы и хорошо *теоретически* знающій иностранный языкъ, впервые попадаетъ среди людей, говорящихъ на этомъ языкѣ: первое и иногда долгое время онъ совершенно не въ состояніи различать даже отдѣльныхъ словъ. Пріученіе же учениковъ, при чтеніи книги и отвѣтахъ, къ великорусскому выговору—это просто каторга для украинскаго ребенка, и сказать правильно по русски такую простую фразу, какъ: „подайте огурцовъ" является для него крайне затруднительнымъ, такъ какъ онъ здѣсь долженъ выговорить иначе, чѣмъ написано, цѣлыхъ пять звуковъ (два *о*, *е*, *г* и *в*).

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ удареніи, въ огромномъ большинствѣ случаѣ неодинаковомъ въ обоихъ языкахъ,—обстоятельство особенно неудобное при заучиваніи стиховъ.

До сихъ поръ мы говорили лишь о русскомъ языкѣ. Но въ школѣ, съ перваго же года, начинается и изученіе языка церковно-славянскаго, являющагося обязательнымъ предметомъ для народной школы. Для русскаго ребенка изученіе этого предмета ведется такимъ образомъ, что церковно-славянскія слова и выраженія объясняются языкомъ, понятнымъ ребенку, такъ какъ ребенокъ самъ его употребляетъ; для ребенка же украинскаго дѣло происходитъ иначе. Обученіе должно вестись по русски, значитъ и церковно-славянскія слова и выраженія ученикъ долженъ умѣть передавать также по русски; но этихъ русскихъ выраженій онъ не понимаетъ, такъ какъ говоритъ своимъ языкомъ; поэтому приходится дѣлать такъ: переводя церковно-славянскую фразу по русски, переводить затѣмъ и русскую фразу по украински, т. е. ребенокъ долженъ съ самаго начала обученія сразу изучать два языка: одинъ неизвѣстный при помощи другого неизвѣстнаго! Я просилъ бы читателя представить себѣ, что онъ, не зная ни латинскаго, ни французскаго языковъ, изучаетъ первый при помощи второго, переводя каждое латинское выраженіе по французски, а затѣмъ французскій переводъ, чтобы понять его, еще и по русски! Можно съ увѣренностью сказать, что для едва научившагося читать украинскаго школьника трудность церковно-славянскаго языка равносильна трудности, которую пришлось бы одолѣвать моему взрослому и образованному читателю при изученіи латинскаго языка по рецепту, употребляемому въ народной школѣ. Какіе отъ этого получаются результаты, среди какихъ нелѣпостей вѣчно путаются несчастные школьники при этой

двухстепенной системѣ изученія языка,—понятно безъ поясненій и примѣровъ.

III.

Непригодность русскихъ школьныхъ книгъ для украинцевъ.

Указанными препятствіями на дорогѣ къ просвѣщенію не ограничиваются тѣ трудности, какія приходится преодолѣвать украинскому школьнику. Въ учебникахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чуждъ ему не только языкъ, но и содержаніе, такъ какъ весь учебный матеріалъ въ нихъ приспособленъ не для украинской, а для великорусской школы [1]). Вотъ, напр., описаніе родины:

„Невзрачна, некрасива наша деревенька: кое-гдѣ торчатъ около почернѣлыхъ избъ березки; румяная раскидалась рябина съ своими яркокрасными кистями; иногда деревянный рѣпеекъ (рѣзной изъ дерева кругъ въ родѣ флага) развѣвается надъ крышей съ мочальной лентой, либо деревянный рѣзной пѣтушокъ торчитъ надъ

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы разсматриваемъ содержаніе школьныхъ учебниковъ только съ избранной нами точки зрѣнія. Мы не касаемся поэтому тѣхъ тенденцій управы благочинія и обузданія, которыми проникнуто подавляющее большинство особенно новѣйшихъ книгъ для школьнаго чтенія. Съ этой точки зрѣнія почти всѣ употребляющіяся въ школѣ книги для класнаго чтенія прямо должны быть подвергнуты изгнанію изъ нея—безразлично, для кого бы школа ни предназначалась, что и будетъ, конечно, сдѣлано въ *обновленной* народной школѣ.

свѣтелкой." (Изъ хрестоматіи „Родина" Радонежскаго, 61).

„Деревня Горки—моя *родина*. Всего въ деревнѣ 20 избъ. Онѣ построены изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ. Недалеко отъ деревни лѣсъ начинается мелкимъ ельникомъ и соснякомъ. Много елей и толстыхъ сосенъ.. но попадаются та́кже и бѣлоствольныя березки и осины съ трепещущими листьями"[1]).

Но вѣдь это совершенно чуждо нашему ребенку: наши хаты не строятся изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ; рѣпейковъ, вырѣзныхъ пѣтушковъ и мочальныхъ лентъ на нихъ нѣтъ; стѣны ихъ не чернѣютъ, а бѣлѣютъ; березы возлѣ нихъ не торчатъ, а растутъ вишневыя деревья, вербы и пр.; если есть лѣсъ, то онъ не еловый и пр., и пр. Что, кромѣ унылаго недоумѣнія, можетъ вызвать такое описаніе въ душѣ нашего ученика? Развѣ это его родина?.. Но иной родины въ книгѣ нѣтъ, и ему приказываютъ считать своей ту, которая полагается по программѣ... А по этой программѣ уже въ концѣ августа морозъ сковываетъ землю, пашутъ не употребляющейся у насъ сохой, хлѣбъ сушатъ въ несуществующихъ у насъ овинахъ, подъ озимый хлѣбъ пашутъ незадолго передъ посѣвомъ... Вонъ:

„Заинька у елочки попрыгиваетъ..."

Видали у насъ заиньку, но что такое „елочка"? И почему нигдѣ нѣтъ задумчиво свѣсившихся вербъ, тополей, калины?

---

1) *Бунаковъ*. „Въ школѣ и дома", см. статьи: „Моя родина" и „Окрестности моей родины".

Вонъ иззябшій заинька мечтаетъ:

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужиченкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, въ лапоткахъ ходить,
Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своей хозяюшкой сѣренькой,
Пироги бы мнѣ ѣсть, да все съ капусткою,
Пироги бы со сладкою морковкою;
На полатяхъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать [1])!

Ну, развѣ же украинскій заяцъ могъ бы такъ мечтать при отсутствіи лаптей, пироговъ съ морковью, полатей? Для нашего ребенка, которому извѣстна совсѣмъ другая картина жизни крестьянина, эти заячьи мечтанья кажутся какой-то несообразностью. Положимъ, имъ учитель уже объяснилъ что такое „лапотки", но вѣдь это-же безобразно! Сапоги гораздо удобнѣе и красивѣе! А пироги съ морковью! Какъ это должно быть невкусно! Вотъ если бы вареники съ сыромъ или съ вишнями!.. Такъ на полати лѣзутъ вверхъ, какъ на чердакъ? Какъ это смѣшно и неудобно!.. Да и глупый же этотъ заяцъ!..

А что это за штуки такія ѣдятъ люди; щи, овсяныя лепешки, толокно, тюря, кулебяка? А сарафанъ, кокошникъ, кафтанъ, армякъ—это что такое? Поютъ какія-то подблюдныя пѣсни... Такъ вотъ все и кажется, что подъ большимъ блюдомъ лежатъ пѣсни!.. Но развѣ возможно положить пѣсню хотя бы и подъ блюдо? Вотъ если бы пѣли *колядки*, *щедрівки*, *веснянки*, ну, это другое дѣло!..

---

[1]) Ушинскій, Родное слово, II, 95.

„Радоница! бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестеръ на кладбище!..“ Но что такое радоница? ученики не знаютъ, да не вѣдаетъ и учитель... Празднуютъ какой-то семикъ... И ужасно любятъ зиму!. „Въ зимній холодъ всякій молодъ“. А у насъ говорятъ: „Діти, діти! добре вам в літі, а зімувати—то горювати!“ [1]).

„Холодная зима—благодать“. А у насъ всѣ жалуются на холодную зиму: и топить нечѣмъ, и недавно родившійся теленокъ замерзъ, и мать изъ хаты не пускаетъ... Всѣ боятся зимы...

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи.
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи...
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый:
Съ снѣгомъ—батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ...
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша добрая забава,
Молодецкая зима! [2])

Можетъ быть, это и хорошо все, но у нашего ребенка отъ всего этого чуждаго ему холода сжимаетъ холодомъ душу... А тутъ еще г. Радонежскій въ своей „Родинѣ“ приводитъ

---

[1]) Дѣти, дѣти! хорошо вамъ лѣтомъ, а зимовать, это—бѣдствовать.

[2]) *Бунаковъ*, „Въ школѣ и дома“, I, 72.

и конецъ этого стихотворенія, отброшенный Бунаковымъ:

Скоро масленицы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой
Закутитъ крещеный міръ.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца,
Пляшутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца... (стр. 103).

Гдѣ же это такъ бываетъ?—спроситъ нашъ ученикъ послѣ переводовъ и разъясненій учителя. Да, но хорошо и положеніе этого учителя: изволь внѣдрять въ сердца учениковъ симпатіи не только къ морозу и зимѣ, но и къ „настойкамъ", „братскимъ попойкамъ" и „бѣшенымъ тройкамъ",—которыя несутъ закутившій крещеный міръ—куда?—не въ увеселительное ли заведеніе?

Родныя картинки... да, но кому?

Лучшія книги для школьнаго чтенія въ значительной мѣрѣ заполнены народнымъ русскимъ матеріаломъ: пословицами, пѣснями, сказками. Пріемъ совершенно раціональный: это лишь увеличиваетъ пригодность книги, приближая ее къ народному пониманію и вкусу. Но опять таки къ какому? Къ великорусскому. Что же касается украинскихъ дѣтей, то чѣмъ болѣе матеріалъ для чтенія специфически великорусскій, тѣмъ онъ дальше отъ ихъ пониманія и вкуса. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ болѣе матеріалъ народный великорусскій, тѣмъ болѣе въ немъ отразились природа, бытъ и міровоззрѣніе великорусскіе; но у насъ все это вѣдь иное! Такимъ образомъ то, что вообще составляетъ достоинство

книги для класснаго чтенія, для насъ, при существующихъ условіяхъ, является крупнымъ недостаткомъ! Возьмемъ для примѣра изъ такихъ книгъ нѣсколько пословицъ:

„Не учась и лаптя не сплетешь“. Быть можетъ, но у насъ не знаютъ, трудное или нѣтъ дѣло—лапти плесть.

„Держись за сошеньку, за кривую ноженьку“. Да, но у насъ держатся за плугъ, а *соха* у насъ совсѣмъ не кривая, а прямая, съ развилиной на концѣ, и служитъ она подпоркой.

„Что русскому здорово, то нѣмцу смерть“. Пустяки: нѣмцы у насъ живутъ цѣлыми колоніями и такъ же, какъ и мы, пашутъ и сѣютъ, ѣдятъ тѣ-же продукты, что и мы ѣдимъ, и смерти имъ отъ этого не бываетъ.

А вотъ пословицы, вводящія насъ въ область географіи:

„Славна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями“. Но что такое Астрахань? А Сибирь у насъ славна только каторгой.

„Волга добрая лошадка,—все свезетъ“. Какъ странно называютъ лошадей! У насъ говорятъ просто: *сірий, гнідий*...

Не только въ пословицахъ, но и вообще въ географическомъ отдѣлѣ страницы испещрены Волгой, Окой, Саратовомъ, Москвой, Казанью, Тулой... Днѣпръ и Кіевъ едва мелькнутъ, да и то въ такихъ статьяхъ, что ихъ и не поймешь [1]).

---

[1]) А вотъ, для примѣра, отрывокъ изъ статьи: „Наше отечество“: „Все населеніе Россіи дѣлится на нѣсколько племенъ... Главныя изъ этихъ племенъ: славянское, литовское, финское и татарское. Славянское племя

Съ исторіей еще хуже. Вотъ, напр., „Книга для чтенія“ Баранова (14-е изд.): въ ней на двадцать одной страницѣ историческаго отдѣла ни слова объ Украинѣ, если не считать сообщенія о кіевскомъ періодѣ, разсказанномъ какъ часть *великорусской* исторіи. Въ „Новой книгѣ для класснаго и домашняго чтенія“ Ермина и Волотовскаго (2-е изд.) исторіи посвящена пятьдесятъ одна страница и объ Украинѣ ни слова. Въ „Дѣтскомъ мірѣ“ Ушинскаго (110 страницъ) тоже, что и у Баранова. Въ „Книгѣ для первоначальнаго чтенія“ Водовозова вся наша исторія представлена маленькимъ отрывкомъ изъ „Тараса Бульбы“ Гоголя. Изъ 96 страницъ посвященныхъ (въ двухъ мѣстахъ) исторіи въ книгѣ Поливанова „Первая пчелка“, о насъ ничего. Почти то же и въ „Родинѣ“ Радонежскаго и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ нашъ ребенокъ оказывается человѣкомъ безъ родины и исторіи: раньше его родина подмѣнена великорусской, теперь то же самое дѣлается съ исторіей. Знакомство съ прошлымъ своего края, съ дѣятельностью предшественниковъ, столь развивающее общественныя чувства, пробуждающее сознаніе долга предъ современнымъ обществомъ и будущими

самое многочисленное и образованное; оно дѣлится на два народа: русскихъ и поляковъ. Русскіе подраздѣляются на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, которые.. говорятъ однимъ языкомъ и различаются между собою лишь нѣкоторыми обычаями, немного своимъ внѣшнимъ видомъ и рѣчью“. (Одинцовъ и Богоявленскій. Книга вторая для чтенія въ церк.-приход. школахъ. Спб. 1899, стр. 113—114).

поколѣніями,—для нашего ученика вещь невозможная. Удивительно ли, что эти общественныя чувства не только не развиваются, но регрессируютъ въ народѣ при данной обстановкѣ? Вѣдь нѣтъ ничего, что могло бы ихъ поддерживать.

Правда, иногда дѣлаются слабыя попытки дать что-либо изъ быта и даже исторіи Украины, но все это такъ ничтожно, такъ тонетъ въ общей массѣ чуждаго украинскому ребенку матеріала! Отрывокъ изъ Гоголя, отрывокъ изъ А. Толстого—блестящія въ литературномъ отношеніи вещи, но такія трудныя для пониманія ребенка, даже знакомаго съ русскимъ языкомъ! Да и можно ли знакомить ребенка съ родиной на чужомъ языкѣ, который ничѣмъ не связанъ съ этой родиной—ни однимъ словомъ, ни однимъ образомъ? Никогда такое знакомство не затронетъ сердца ребенка, не заставитъ его любить родной край! И сколько бы ни помѣщали въ такихъ книжкахъ изъ Гоголя или кого бы то ни было на русскомъ языкѣ,—все это будутъ мертвые, холодные, ненужные намъ звуки...

Впрочемъ, вотъ и Шевченко... Единственный разъ, правда, и даже почему то безъ обозначенія автора, но все же отрывокъ изъ „Катерины" [1]. Но... онъ въ переводѣ по русски. Конечно, русскимъ дѣтямъ такъ и нужно, но нашимъ... Вѣдь это же полный абсурдъ, наглядная, такъ сказать, несообразность—читай своего родного поэта, но не иначе какъ въ переводѣ! Нелѣпость съ педагогической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія національнаго чувства

---

[1]) *Тихомировы,* „Букварь" (147-е изд.), 42.

все это кажется прямо какимъ-то издѣвательствомъ!.. [1]).

А каковы иногда бываютъ свѣдѣнія о насъ въ такъ называемыхъ „дѣловыхъ“ статьяхъ школьныхъ книгъ! Вотъ, напр., статейка: „Лѣтнія занятія малороссовъ“. Сказавъ о страдной порѣ и молотьбѣ, авторъ продолжаетъ:

„На баштанахъ тоже кипитъ дѣятельность. Огромные арбузы, золотистыя дыни и тыквы совсѣмъ налились, созрѣли и лежатъ на грядкахъ, прося рабочихъ рукъ. Подсолнухи и усатая кукуруза выросли во всю свою вышину и далеко виднѣются своими верхушками. Старый сѣдой сторожъ, охраняющій бахчи, съ напускной важностью покрикиваетъ на деревенскихъ ребятишекъ, выгоняя ихъ оттуда, но маленькіе плутишки хорошо знаютъ, что дѣдко шутитъ,—бѣгаютъ съ веселыми криками по баштану и преусердно набиваютъ свои карманы и рты подсолнухами и огурцами“ [2]).

Интересно знать, какое довѣріе будутъ имѣть къ книгѣ наши школьники, прочитавъ въ ней, будто арбузы, дыни и тыквы лежатъ на грядахъ, будто ребятишкамъ дозволяютъ толпой

---

[1]) Аналогичные факты: „Наймичка“ Шевченка запрещена для школьныхъ библіотекъ въ оригиналѣ и дозволена въ переводѣ; „Кобзарь“ для сельскихъ библіотекъ запрещенъ по украински и дозволенъ въ переводѣ... „Дещо про світ божий“ не только запрещено для библіотекъ, но и не разрѣшается для печати, какъ книжка научно-популярная, а русскій переводъ выдержалъ уже 10-е или 11-е изданіе и допущенъ во всѣ библіотеки и т. д.

[2]) *Одинцовъ и Богоявленскій,* Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ (Спб., 1899) 137.

бѣгать по баштану и будто они набиваютъ себѣ карманы и ротъ огурцами (перезрѣлыми уже) въ то время, когда есть спѣлые дыни и арбузы и пр.?

Или вотъ, напр., въ книгѣ Бунакова „Въ школѣ и дома" есть статейка: „Казачество и Малороссія". Вотъ, между прочимъ, что тамъ говорится:

„Во время татарскаго разоренія на Руси было много людей бездомныхъ, обездоленныхъ. Такіе люди, прозванные казаками, стали уходить въ южно-русскія степи. Тамъ, подъ предводительствомъ выборныхъ атамановъ они собирались въ шайки, чтобы заниматься разбоемъ, грабежемъ и войною съ татарами... Главныя казацкія поселенія были по нижнему теченію Дона и по Днѣпру. Шайка донскихъ казаковъ, какъ намъ извѣстно, завоевала Сибирское царство, а при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всѣ Донскіе казаки признали надъ собой власть Москвы. Казаки, поселившіеся по Днѣпру, образовали Малороссійское или Украинское казачество, и вся страна, населенная ими, стала называться Малороссіей. Безсемейные-же (?!) удальцы изъ малороссійскихъ казаковъ стали уходить на Днѣпровскіе острова, ниже пороговъ, и здѣсь образовали удалое военное братство — Запорожскую Сѣчь. Малороссія добровольно признала надъ собой власть польскаго короля, но Запорожская Сѣчь не хотѣла признать этой власти" и т. д. (Часть II, изд. 30-е, 1903, стр. 47—48).

Итакъ, выходитъ, что украинскій народъ образовался изъ шаекъ, вышедшихъ, очевидно, изъ центральной, московской Руси во время татарскаго разоренія; выходцы эти по національ-

ности то же, что и донскіе казаки,—о какомъ либо національномъ различіи нѣтъ и рѣчи; шайки эти, занимаясь разбоемъ и грабежемъ, поселились по Днѣпру,—очевидно, тамъ раньше никто не жилъ, -- и такъ какъ онѣ назывались малороссійскимъ казачествомъ, то и страна получила имя Малороссіи; ясно: украинцы ведутъ свое происхожденіе отъ шайки великорусскихъ разбойниковъ; къ тому же они сотворили и измѣну: вмѣсто того, чтобы покорствовать московскому царю, они признали надъ собой власть польскаго короля. Кіевскій и литовскій періоды нашей исторіи для автора не существуютъ; но за то Запорожская Сѣчь оказывается существующей еще до соединенія страны съ Польшей и т. д.

Крайняя невѣжественность этой статейки очевидна безъ дальнѣйшихъ поясненій; но статейка, кромѣ того, еще и оскорбительна для украинцевъ, такъ какъ о нашемъ народѣ говорится какъ о шайкѣ разбойниковъ, которой онъ былъ будто бы въ тотъ періодъ, когда онъ уже далъ и Владиміра, и Ярослава, и автора „Слова о полку Игоревомъ“, и другихъ дѣятелей кіевскаго періода украинской исторіи.

Что же въ подобныхъ случаяхъ остается дѣлать учителю: извращать истину въ угоду книгѣ или объявить, что учебная книга говоритъ неправду? Первое очевидно невозможно: но вѣдь и второе подрываетъ вѣру и въ книгу, и въ школу... А затѣмъ еще одно обстоятельство: если возможны составители школьныхъ книгъ, пишущіе такія статейки, то, конечно, возможны и учителя, вѣрящіе этимъ книгамъ,— какія-же свѣдѣнія останутся въ головахъ учениковъ, когда такой учитель прочтетъ съ ними

подобную статейку?

Есть еще одинъ важный, съ нашей точки зрѣнія, недостатокъ книгъ для класснаго чтенія, отмѣченный вышеупомянутымъ докладомъ г. Леонтовича, мнѣнія котораго, какъ земскаго дѣятеля, особенно цѣнны въ данномъ случаѣ. Онъ говоритъ: „Важнѣйшими же для крестьянскаго ребенка нужно признать тѣ знанія, которыя или могутъ исправить существующія у него ложныя понятія о природѣ и обществѣ, или пригодятся ему въ его будущей трудовой жизни. Но для того, чтобы надлежащимъ образомъ сдѣлать такой выборъ, составитель учебника долженъ быть хорошо ознакомленъ съ условіями жизни, бытомъ, міровоззрѣніемъ и предразсудками того населенія, для котораго предназначаетъ онъ свою книгу. Съ этой точки зрѣнія природоописательныя статьи школьнаго учебника должны быть направлены къ опроверженію предразсудковъ, существующихъ именно въ данной мѣстности, а не гдѣ-то въ отдаленныхъ губерніяхъ; аграномическія, техническія и другія практическаго характера статьи должны давать описанія лишь такихъ культуръ и промысловъ, которые распространены или могутъ развиться въ данной мѣстности съ ея климатическими, почвенными и экономическими условіями; статьи юридическія,—выясняющія положеніе, права и обязанности человѣка въ обществѣ, какихъ, къ сожалѣнію, вообще очень немного въ школьныхъ книгахъ, также должны быть подобраны въ соотвѣтствіи съ юридическими возрѣніями и нравами населенія“ (стр. 2—3). А между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ слѣдующее: „Статьи природоописательныя и безсистемно подобраны, и приспособлены къ условіямъ цент-

ральныхъ губерній, а не Полтавской: [1]) для иллюстраціи общихъ положеній въ нихъ даются примѣры характерные для природы того края и не встрѣчающіеся у насъ, а разбираемые въ этихъ статьяхъ ложные взгляды и предразсудки въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ распространенія въ Полтавской губерніи. Что касается агрономическихъ и техническихъ статей въ учебникахъ, то, благодаря все тому же стремленію приноровить ихъ къ условіямъ центральныхъ губерній, онѣ даютъ для Полтавской губерніи и невѣрныя описанія, и неправильные или ненужные совѣты; рекомендуется, напр., пахать подъ озимый хлѣбъ незадолго передъ посѣвомъ, дается описаніе посѣва льна на волокно и т. д." (стр. 5—6).

До сихъ поръ мы говорили лишь о книгахъ для чтенія. Но въ школѣ, кромѣ учебниковъ по закону Божію, которыхъ мы не касаемся, употребляются еще ариѳметическіе задачники. Достаточно бѣглаго просмотра ихъ текста, чтобы убѣдиться, до какой степени условія задачъ не соотвѣтствуютъ нуждамъ школы. Совершенно справедливо по этому поводу говоритъ г. Леонтовичъ: „Что касается ариѳметическихъ задачъ, то условія ихъ слѣдовало бы брать изъ мѣстной крестьянской жизни на такія отношенія, съ которыми ученикамъ придется сталкиваться въ ихъ будущей практической дѣятельности, такъ какъ, во 1-хъ, заинтересованность

---

[1]) То, что здѣсь и ниже г. Леонтовичъ говоритъ о Полтавской губерніи, примѣнимо, конечно, почти ко всей територіи украинскаго народа.

учащихся рѣшеніемъ такихъ задачъ подняла бы успѣшность ихъ занятій, а во 2-хъ, умѣть разбираться въ этихъ случаяхъ для крестьянъ особенно важно, а народная школа не располагаетъ достаточнымъ количествомъ времени, чтобы развить способность одинаково быстро и хорошо рѣшать задачи всякаго рода" (стр. 4). А между тѣмъ въ дѣйствительности „условія задачъ, предлагаемыхъ ученикамъ сельской школы, часто являются примѣрами случаевъ невозможныхъ не только въ Полтавской губерніи, но и въ сельской жизни вообще. Условія нѣкоторыхъ изъ нихъ по своей несерьезности и ненужности для практической жизни не только отнимаютъ у дѣтей охоту работать надъ ихъ разрѣшеніемъ, но и вызываютъ смѣхъ" (стр. 6).

Нельзя не присоединиться къ этому мнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ смѣха, можетъ вызвать у ученика народной школы въ Украинѣ такая, напр., задача:

„Пастуха наняли пасти 54 коровы, 56 овецъ и 24 козы и заплатили"... (Евтушевскій, I, № 576).

Во-первыхъ: гдѣ у насъ въ селѣ можно набрать 24 козы? во-вторыхъ: каждый нашъ школьникъ отлично знаетъ, что коровъ и овецъ пасутъ у насъ отдѣльно.

Или, напр., такое условіе:

„Портной купилъ кусокъ бархата и разсчиталъ, что линія этого бархата стоитъ 5 коп."... (Шохоръ Троцкій, № 178).

Но какой-же портной будетъ тратить время на совершенно ненужное для него вычисленіе стоимости линіи бархата? И не напоминаютъ ли подобныя задачи тѣ извѣстныя фразы для переводовъ въ учебникахъ иностранныхъ язы-

ковъ, гдѣ „скромный слонъ встрѣчаетъ на улицѣ большого господина", „прилежная собака имѣетъ сладкій виноградъ", а „мы любимы въ Мюнхенѣ и ненавидимы въ Дрезденѣ"?

Или вотъ у того же Шохоръ-Троцкаго: [1]).

„Въ главѣ третьей Евангелія отъ Іоанна вдвое менѣе стиховъ, чѣмъ въ 14-й гл. Евангелія отъ Марка, а въ этой послѣдней на 10 ст. болѣе, чѣмъ въ главѣ 10 й Евангелія отъ Луки, въ которой на 18 ст. менѣе, чѣмъ въ первой главѣ того же Евангелія, содержащей 80 ст. Спрашивается, сколько стиховъ въ 3-й гл. Евангелія отъ Іоанна?" (№ 142). И такихъ задачъ на стихи и главы подрядъ пять штукъ!

А какъ близки условія задачъ къ нашей народной жизни! Вотъ примѣры (изъ 1-й части Евтушевскаго):

„Кадеты отправились изъ Петербурга въ Петергофъ (№ 201)... Въ квартирѣ 34 стула: въ залѣ дюжина, въ столовой—10, а всѣ остальные стулья стоятъ поровну въ спальнѣ и кабинетѣ... (№ 234). Мальчикъ собралъ во время лѣта 58 насѣкомыхъ и желаетъ насадить всѣхъ этихъ насѣкомыхъ на булавки (№ 382)... На балу было 27 мужчинъ и 35 дамъ; 18 человѣкъ не танцовало, а всѣ остальные составили кадриль. Сколько паръ было въ кадрили и сколько мужчинъ не танцовало? (413). Дочь получила въ приданое отъ матери... 36 ложекъ чайныхъ, 15 столовыхъ, а всѣ остальныя десертныя (№ 435). У перчаточника было въ картонкѣ 72 пары пер-

---

[1]) Ариѳметическій задачникъ для учениковъ, в. I, изд 11-е 1903 г. (201000—225000 экз.!).

чатокъ (№ 520). Сколько бордюру нужно купить для оклейки двухъ комнатъ... (№ 697). Изъ всего куска золота... сдѣлали браслеты (№ 722). Въ 1873 г. въ Россіи считалось 5852 монаха и 3534 монахини. На сколько монаховъ было болѣе, чѣмъ монахинь? (№ 853). Отецъ купилъ дочери для приданаго серебряныхъ вещей, вѣсомъ на 200 фунтовъ, и на эту покупку истратилъ 6000 рублей... (№ 960). По смерти банкира осталось... (№ 988). Игрокъ сѣлъ играть, имѣя при себѣ 76 руб... (№ 995). Въ одномъ государствѣ вся пѣхота состоитъ изъ 388 полковъ и въ каждомъ полку 2325 чел. По сколько человѣкъ придется назначить въ каждый полкъ, если все это войско захотятъ переформировать въ 868 полковъ? (№ 1011).

Но довольно! . Я думаю, что у моего читателя уже зарябило въ глазахъ отъ этого винегрета, не смотря на то, что слова для него являются совершенно понятными. Но въ какомъ же положеніи находится нашъ ученикъ, если для него непонятенъ и самый языкъ задачъ, и если всѣ эти браслеты, кадеты, кабинеты, Петергофы, десертныя ложки, кадрили, бордюры, пѣхоты и пр , и пр. столь же для него знакомыя вещи, какъ и китайская грамота? Какъ онъ можетъ хорошо рѣшить задачу, если для того лишь, чтобы онъ понялъ условіе, необходимо не только перевести ему все фразу за фразой на его родной языкъ, но еще и пояснить—что это за предметы обозначены словами, подобными вышеприведеннымъ? И на практикѣ постоянно происходитъ такъ, что даже способные ученики путаются при рѣшеніи задачи: вѣдь для ребенка необходимо большое умственное напряженіе для того, чтобы

все время рѣшенія задачи удерживать въ головѣ соотношеніе данныхъ цифръ и путь, по которому онъ долженъ идти къ полученію отвѣта; при этомъ захватывается обыкновенно все вниманіе учащагося, а между тѣмъ, при такихъ условіяхъ задачъ, онъ долженъ еще помнить также и то, что значатъ всѣ тѣ только что узнанныя мудреныя слова, при томъ же относящіяся къ предметамъ совершенно ему неизвѣстнымъ и далекимъ отъ его жизненнаго обихода. Неудивительно послѣ этого, что иногда на самую простую, повидимому, задачу тратится масса времени, и задача все же разрѣшается съ трудомъ.

Факты, приведенные нами въ предыдущей и настоящей главахъ, сами по себѣ достаточно краснорѣчивы, чтобы указать несостоятельность современной школьной системы, основанной на отрицаніи языка и жизненной обстановки учащихся, т. е. иными словами, на отрицаніи основнаго принципа всякаго обученія: отъ извѣстнаго и близкаго идти къ неизвѣстному и болѣе далекому. Но еще яснѣе обнаружится предъ нами положеніе дѣла послѣ разсмотрѣнія тѣхъ результатовъ, къ какимъ эта система приводитъ.

IV.

Чужеязычная школа—врагъ правильнаго воспитанія.

Извѣстный нѣмецкій педагогъ Дистервегъ, въ своей статьѣ: „О высшемъ или основномъ принципѣ воспитанія“, говоритъ: „Принципъ: *воспитывай сообразно съ природой*—есть высшій принципъ всякаго человѣческаго воспитанія.

Этимъ принципомъ все доказывается, къ нему въ воспитаніи все сводится. Если принять его за основу воспитательной дѣятельности, то другихъ основаній приводить уже не для чего: онъ является самымъ глубокимъ и самымъ послѣднимъ основаніемъ. Поэтому, если мы желаемъ доказать истинность, справедливость того или другого воспитательнаго пріема, того или другого опыта, то намъ слѣдуетъ только доказать, что данный пріемъ, данный опытъ—природосообразны, что они благопріятствуютъ цѣлямъ природы, дѣйствуютъ сообразно съ ея указаніемъ, и обратно: если мы желаемъ доказать, что извѣстный образъ дѣйствія въ воспитаніи дуренъ, невѣренъ, ложенъ, пагубенъ, то обязаны доказать, что онъ противоестественъ, идетъ противъ цѣлей природы, не соблюдаетъ указанныхъ ею путей" [1]).

„Принципъ природосообразности,—продолжаетъ далѣе Дистервегъ,—заключаетъ въ себѣ два требованія—отрицательное и положительное. Первое гласитъ: избѣгай въ воспитаніи всего неестественнаго, противнаго природѣ, второе—развивай, упражняй природные задатки, дѣйствуй сообразно съ природой" [2]).

Исполняя послѣднее требованіе, школа должна, конечно, развивать, упражнять природный языкъ ребенка съ цѣлью сдѣлать его, этотъ языкъ, наиболѣе совершеннымъ средствомъ для созданія и

---

[1]) „Избранныя педагогич. сочиненія Ад. Дистервега". Изд. журн. „Семья и школа", 164.

[2]) Ibid, 164.

развитія мысли [1]). Между тѣмъ, въ существующей у насъ школѣ поступаютъ какъ разъ наоборотъ: родной языкъ ребенка не только не развивается, но школа прямо ставитъ своей задачей—вытѣсненіе этого языка и водвореніе на его мѣсто иного, т. е. дѣлаетъ какъ разъ то неестественное, противное природѣ, пагубное, которое является нарушеніемъ основного принципа всякаго человѣческаго воспитанія. Такимъ образомъ, едва только мы приложили къ существующей школѣ то мѣрило, приложеніе котораго необходимо въ силу основныхъ требованій разумнаго воспитанія, какъ сейчасъ же съ безспорной ясностью обнаруживается ложность того безпросвѣтнаго пути, по которому идетъ эта школа, или, лучше сказать, на которомъ стоитъ она неподвижно, запутавшись въ безплодныхъ усиліяхъ создать что-либо тамъ, гдѣ она находится въ безнадежномъ противорѣчіи съ собственными своими цѣлями. Но для того, чтобы выводъ этотъ явился для насъ болѣе, такъ сказать, осязаемымъ, обратимся къ фактамъ, указывающимъ, во что превращается то, что принято у насъ называть „народнымъ просвѣщеніемъ".

Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, какое огромное количество трудностей приходится преодолѣвать украинскому ребенку, начинающе-

---

[1]) Сравн. слова Петебни: „Нашему вѣку принадлежитъ открытіе, что языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ до-язычныхъ элементовъ мысли; потому въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы средствами созданія мысли". („Языкъ и народность", Вѣстникъ Европы, 1895, IX).

му ученіе по-русски: различія между русскимъ и украинскимъ языками въ фонетикѣ, лексикѣ, грамматическихъ формахъ и построеніи фразы настолько велики, что для украинскаго школьника начать учиться по-русски—это значитъ не просто начать изученіе грамоты, а нѣчто гораздо большее, а именно: начать изучать, хотя и близкій, но чужой и для ребенка почти непонятный языкъ.

Усвоеніе чужого выговора, заучиваніе непонятныхъ словъ и выраженій и постиженіе правилъ чуждаго построенія рѣчи требуетъ отъ ребенка огромнаго напряженія мысли, умственной энергіи. Между тѣмъ, уже усвоеніе механизма чтенія и письма настолько само по себѣ трудная для ребенка вещь, что у огромнаго большинства дѣтей одно требуетъ всѣхъ ихъ умственныхъ силъ, — понятно поэтому, насколько обученіе грамотѣ задерживается изученіемъ чужого языка.

Послѣ усвоенія механизма чтенія трудности еще увеличиваются. Начинается чтеніе школьной хрестоматіи, заучиваніе правилъ правописанія, изучается Законъ Божій и молитвы, рѣшаются ариѳметическія задачи,—и все это надвигаетъ на ученика огромное количество чуждаго, непонятнаго словеснаго матеріала, который онъ долженъ постоянно перерабатывать и усваивать. Почти все время ученика идетъ именно на эту работу, а на усвоеніе знаній иного характера у него почти нѣтъ времени и силъ. И чѣмъ больше мы будемъ вводить въ школьную науку такого чуждаго словеснаго элемента, напр., въ видѣ заучиванія стихотвореній, расширенія программы церковно-славянскаго языка

и пр., тѣмъ меньшее количество времени и силъ остается у ученика для пріобрѣтенія познаній по другимъ предметамъ. Мало того: крайне утомленная и, какъ увидимъ ниже, сбитая съ толку голова ребенка лишь въ слабой степени способна воспринимать знанія; по этому усвоеніе ихъ не можетъ быть прочнымъ и глубокимъ, и мы постоянно видимъ, что тѣ крупицы знаній, которыя застрянутъ иногда въ головѣ школьника, исчезаютъ изъ нея чрезвычайно быстро по выходѣ ученика изъ школы, и степень этого пониженія знаній доходитъ во многихъ случаяхъ до утраты грамотности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе дѣятели школы и земства [1]).

Итакъ, первое слѣдствіе употребленія въ школѣ чужого языка для преподаванія есть то, что *такая школа никогда не можетъ дать столько знаній, сколько даетъ школа съ роднымъ языкомъ*, и украинскій школьникъ, не смотря на все свое желаніе учиться, *никогда не въ состояніи* взять отъ школы такое количество знаній, какое является совершенно по-

---

[1]) „При условіяхъ нашей сельской жизни, грамотность, пріобрѣтаемая обыкновенно въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ, по выходѣ изъ школы иногда забывается совершенно". („Докладъ школьной комиссіи" Черниговскому губ. земскому собранію сессіи 1880 г., стр. 667). См. еще, напр., книгу: „Педагогическіе курсы для учителей первой группы уѣздовъ Черниговской губерніи", (Черниг., 1895), въ которой предсѣдатель губернской управы г. Хижняковъ говоритъ: „При посѣщеніи школъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта, я встрѣчалъ въ селахъ примѣры, что черезъ 3 4 года по окончаніи школы, совсѣмъ забывали читать" (стр. 263).

сильнымъ для русскаго школьника [1]).

Затѣмъ, такъ какъ школьныя программы разсчитаны на учениковъ, для которыхъ языкъ преподаванія является роднымъ языкомъ, то ясно, что для украинскихъ учениковъ количество вводимаго ежедневно новаго словеснаго матеріала будетъ подавляюще чрезмѣрнымъ, и усвоеніе всего его въ требуемый программой срокъ совершенно невозможнымъ. Изъ того количества этого матеріала, которое необходимо проработать на каждомъ урокѣ, ученикъ въ состояніи усвоить лишь весьма небольшую часть, между тѣмъ его сила и вниманіе распредѣляются на количество неизмѣримо большее, — поэтому усвояется не только меньше, чѣмъ возможно было-бы усвоить, но и хуже: у ученика въ головѣ остаются лишь несвязные и неясные обрывки того, что онъ долженъ былъ бы знать связно и ясно. А такъ какъ новый матеріалъ ежедневно прибываетъ все въ большемъ и большемъ количествѣ раньше, чѣмъ былъ усвоенъ старый, то въ концѣ концовъ ученикъ чувствуетъ себя безсильнымъ бороться съ этимъ наводненіемъ чу-

---

1) „Школа (съ чужимъ языкомъ преподаванія) не пользуется языкомъ учениковъ, какъ главнымъ образовательнымъ средствомъ, но обучая ихъ новому языку, тратитъ время на то, чтобы приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимпсестовъ. Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному дошкольному запасу мысли“. Потебня. „Языкъ и народность“ (Вѣстникъ Европы, 1895. IX).

жихъ словесныхъ формъ, умъ его относится къ этому совершенно пассивно и даже не старается разобраться въ томъ, въ чемъ не видитъ возможности разобраться. Благодаря этому, ученикъ, въ сущности, не знаетъ точнаго значенія ни одного слова, ни одного выраженія и вѣчно колеблется и сомнѣвается. Этому въ огромной степени помогаетъ существованіе въ языкахъ русскомъ и украинскомъ словъ приблизительно одинаковыхъ по формѣ (или кажущихся ученику таковыми). но разныхъ по значенію; эти слова, довольно многочисленныя, постоянно сбиваютъ ученика съ толку: онъ привыкъ къ тому, что *рожа* значитъ роза, *люлька*—курительная трубка, *шаръ*—слой, а теперь его увѣряютъ, что онъ ошибается, и въ его головѣ красивый цвѣтокъ долженъ превратиться въ некрасивую харю, курительная трубка—въ колыбель, а слой—въ шаровидное тѣло. И чѣмъ дальше, тѣмъ такихъ словъ онъ находитъ все больше и больше. При этомъ онъ совершенно не знаетъ о томъ, что имѣетъ дѣло съ значеніями двухъ разныхъ языковъ,—изъ объясненій учителя онъ можетъ сдѣлать только тотъ выводъ, что понимать *рожу* какъ розу, а *люльку* какъ трубку является неправильнымъ, ошибочнымъ. Но если онъ до школы ошибался относительно десятковъ этихъ словъ, то кто-же можетъ поручиться, что онъ не ошибается относительно значеній и всѣхъ остальныхъ ему извѣстныхъ словъ, въ пониманіи которыхъ онъ до сихъ поръ чувствовалъ себя твердымъ? И чѣмъ больше онъ входитъ въ изученіе, тѣмъ болѣе усиливаются его сомнѣнія, доходя до того, что онъ начинаетъ уже сомнѣваться относительно каждаго слова. А тутъ еще

являются на бѣду метафоры и прочіе образы и украшенія русскаго языка; въ нихъ слова должно понимать не въ томъ прямомъ значеніи, въ какомъ уже заучилъ ихъ ученикъ, а въ совершенно иномъ напр., „*сгорѣть* со стыда“; здѣсь глаголъ сгорѣть не значитъ *згоріти*, а *почервоніти* (покраснѣть). Рядъ такихъ случаевъ подрываетъ у ученика увѣренность въ томъ, что онъ правильно понялъ основныя значенія этихъ словъ. И такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше встрѣчается такихъ поводовъ къ неувѣренности, то опять таки ученикъ все больше и больше начинаетъ сомнѣваться въ своихъ знаніяхъ. Въ результатѣ это вѣчное колебаніе ребенка въ вопросахъ значенія словъ дѣлаетъ колеблющеюся и его мысль, препятствуетъ образованію у него отчетливыхъ и ясныхъ представленій и даже уничтожаетъ отчетливость и ясность представленій, казавшихся ему совершенно ясными прежде, до школы, т. е. въ сущности понижаетъ умственный уровень учащихся или, иными словами: школа достигаетъ результатовъ діаметрально противоположныхъ тѣмъ, какіе являются ея цѣлью [1]).

---

[1]) Тотъ фактъ, что обученіе дѣтей-невеликоруссовъ на великорусскомъ языкѣ препятствуетъ образованію у нихъ отчетливыхъ и ясныхъ представленій, отмѣченъ въ педагогической литературѣ,—напр., г. Бобровниковымъ, директоромъ казанской учительской семинаріи, въ книгѣ „Что такое хорошій урокъ“. По его мнѣнію, „ученикъ, говорящій повидимому свободно по русски, въ сущности, невѣрно понимаетъ русскія слова, понятія его будутъ неопредѣленны и сбивчивы, а потому и мысль не можетъ работать правильно“ (Леонтовичъ, 12). Во избѣжаніе недоразумѣній поясняемъ, что какъ здѣсь, такъ и въ

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ украинскій школьникъ, если онъ достаточно долго проучился въ школѣ и не забылъ затѣмъ школьной премудрости, оказывается, въ сущности, лишеннымъ всякаго языка. У него происходитъ ужасное смѣшеніе языковъ русскаго и родного, при чемъ перваго онъ не знаетъ и извѣстныя ему слова его употребляетъ невѣрно, а второй онъ испортилъ внесеніемъ въ него чуждаго элемента. Онъ уже привыкъ во время школьной учебы относиться къ нему отрицательно, какъ къ чему то ошибочному, подлежащему устраненію или, въ лучшемъ случаѣ, исправленію. Онъ и „исправляетъ" его, какъ умѣетъ, и начинаетъ выражаться наборомъ словъ: невѣрно понятыхъ русскихъ, произносимыхъ имъ на украинскій ладъ, и украинскихъ, которыя онъ „поправилъ" по школьному выговору. Вотъ тогда-то и появляется у него „тотъ отвратительный жаргонъ", о которомъ говоритъ Ушинскій, какъ о результатѣ русской школы въ украинскомъ селѣ, жаргонъ дѣйствительно отвратительный, полный самыхъ нелѣпыхъ сочетаній и самыхъ убійственныхъ коверканій словъ, доводящихъ рѣчь такого вышколеннаго крестьянина иногда до сплошной безсмыслицы. Онъ говоритъ, напр.: „Я поѣлъ коней", т. е. „я поилъ лошадей" и пр. Или

дальнѣйшемъ изложеніи мы говоримъ совсѣмъ не объ изученіи чужихъ языковъ, а *объ обученіи на чужомъ языкѣ, о вытѣсненіи родного языка чужимъ*. Первое можетъ быть очень полезно въ смыслѣ расширенія духовнаго кругозора лица, уже развившагося правильно на родной рѣчи, второе же—убійственно для духовнаго развитія учащихся.

вотъ, напр., образчикъ языка побывавшаго въ школѣ работника, разговаривающаго со своимъ хозяиномъ — „паномъ" (записываемъ русскимъ правописаніемъ, но фонетически):

— Не скисняйтысь: мы ето магументально кончымъ. А завтра вже ны прыйду до васъ: чоловикъ звавъ авэсъ помолотыть; тамъ и не на вылыке розстояные роботы, та дуже вже любопытно просылъ. А тоди й до васъ: современно все зробымъ.

Тотъ, кто говоритъ такимъ языкомъ, конечно, лишился своего родного языка, а взамѣнъ его пріобрѣлъ лишь невозможный жаргонъ, въ которомъ каждое слово—уродство. Но такъ какъ неточность языка всегда является показателемъ неточности мысли, то для насъ понятно, что мысль такого человѣка не въ состояніи работать правильно, она извращена, искалѣчена такъ же точно, какъ и его языкъ,—поэтому онъ теперь является даже менѣе пригоднымъ для дальнѣйшаго развитія, чѣмъ до поступленія въ школу.

Понятно теперь и отношеніе такого выученика школы въ книгѣ. По причинамъ, изложеннымъ выше, онъ не осилилъ въ школѣ языка русской книги; даже больше: постоянное нарастаніе непонятнаго словеснаго матеріала и сознаніе невозможности управиться съ нимъ, одолѣть его, поневолѣ развиваетъ въ украинскомъ школьникѣ убѣжденіе, что постичь книгу вполнѣ—это вещь для него невозможная. Мало того: вѣчное задалбливаніе незнакомыхъ словъ, вѣчная путаница въ непонятныхъ фразахъ привели его къ тому, что книга мало по малу надоѣла, опротивѣла ему, какъ вещь, постоянно

требующая напряженія головы, но напряженія въ сущности, безрезультатнаго, не приносящаго никакого, ни умственнаго, ни нравственнаго, удовлетворенія. Пока онъ былъ въ школѣ, онъ возился съ ней по обязанности; выйдя оттуда, онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ равнодушенъ къ ней и почти или и совсѣмъ въ нее не заглядываетъ (въ земской литературѣ часто отмѣчались случаи, когда ученики, окончившіе школу, никогда потомъ не брали въ руки книги! [1]).

Но представимъ себѣ лучшій случай, а именно, что нашъ ученикъ силится все же читать. Но что это за чтеніе? По выходѣ изъ школы онъ уже перезабылъ часть и того скуднаго количества русскихъ словъ и выраженій, которое успѣлъ усвоить, вслѣдствіе чего его пониманіе русскаго языка еще уменьшилось, путаница со многими выраженіями еще увеличилась. И если онъ что-либо понимаетъ въ книгѣ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ не всю ее въ цѣломъ, а лишь нѣкоторыя частности, отдѣльныя мѣста, случайно оказавшіеся для него болѣе доступными по изложенію. Учителя, переспрашивающіе учениковъ о содержаніи прочитанныхъ послѣдними дома книгъ, хорошо знакомы съ этимъ явленіемъ: ученикъ прочитавшій *всю* книжку, разсказываетъ изъ нея лишь какой-

---

[1]) Для сравненія попросимъ читателя припомнить, какъ относится къ греческимъ и латинскимъ классикамъ подавляющее большинство бывшихъ гимназистовъ: эти книги такъ опротивѣли, что никогда не разворачиваются. А между тѣмъ, поставить наравнѣ изученіе чужихъ языковъ и операцію удаленія своего родного никоимъ образомъ невозможно!

нибудь отрывокъ, и оказывается, что все остальное прошло для него почти безслѣдно. „Есть у насъ,—говорятъ учителя полтавской губерніи,—взрослые, окончившіе, которые читаютъ Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго и несутъ о нихъ такую околесную, что странно слушать“ [1]. То же утверждаютъ учителя Черниговской губ. [2]. Особенно замѣтно это явленіе при чтеніи научно-популярныхъ книгъ: при попыткѣ сказать что либо о ихъ содержаніи такіе читатели перевираютъ прочитанное до неузнаваемости и вмѣсто пріобрѣтенія хотя элементарныхъ научныхъ знаній засоряютъ свою голову всякими нелѣпостями, появившимися лишь благодаря ихъ незнанію языка. Даже въ тѣхъ счастливыхъ случаяхъ исключеній, когда побывавшему въ школѣ удастся настолько осилить русскій языкъ, чтобы понимать простое и легкое изложеніе, все же онъ является весьма плохимъ читателемъ: онъ не сроднился съ языкомъ книги, со всѣми его тонкостями, знаніе которыхъ возможно только для того, кому этотъ языкъ является роднымъ; поэтому нашъ читатель можетъ уловить содержаніе книги лишь въ общемъ, а всѣ болѣе тонкіе изгибы мысли, всѣ намеки, все недосказанное, что должно угадать, всѣ образы, за которыми могутъ скрываться глубокія мысли, всѣ литературныя красоты, наконецъ,—все это является для него совершенно недоступнымъ и безвозвратно ускользаетъ отъ его вниманія. Но по-

---

1) „Очеркъ состоянія начальнаго народнаго образованія въ Полтавской губ.“ Полт. 1897, стр. 320.

2) Земскій сборникъ Черниг. губ., 1899, въ статьѣ: „Отношеніе народа къ грамотности“.

вторяемъ, и такое пониманіе книги является лишь счастливымъ исключеніемъ. Для обыкновеннаго типа вышедшаго изъ школы сельскаго читателя пониманіе русской книги въ высшей степени трудно, иногда совершенно недоступно, а чѣмъ труднѣе дается книга, тѣмъ меньше охоты къ чтенію, и мы видимъ, что народъ нашъ читаетъ страшно мало.

Объяснить это его нелюбовью къ книгѣ нѣтъ возможности: прошедшее украинскаго народа рисуетъ намъ его народомъ особенно любящимъ науку и книгу. Мы знаемъ, что 200—250 лѣтъ назадъ украинскій народъ, безъ всякой государственной помощи, съумѣлъ на собранные гроши покрыть свою страну сѣтью школъ низшихъ и среднихъ, а въ Кіевѣ создать академію; что въ то время, какъ въ Московскомъ государствѣ, до присоединенія къ нему Украины была типографія лишь въ Москвѣ, въ Украинѣ того времени отмѣчено уже историками не менѣе 24 типографій въ различныхъ мѣстностяхъ [1],—значитъ, имѣлся большой кругъ читателей. Уже съ XVII вѣка иностранцы, побывавшіе въ Украинѣ, пишутъ похвалы грамотности и культурности ея народа. Вотъ что, напр.. сообщаетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, путешествовавшій у насъ въ 1652 г.: „Начиная съ этого города (Рашкова) и по всей землѣ русскихъ, т. е. козаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ

---

[1]) Пыпинъ, Исторія славянскихъ литературъ, I, 328—329.

читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами" [1]). Черезъ сто лѣтъ, въ 1760 г., мы читаемъ у врага украинской автономіи, извѣстнаго секретаря гетмана Разумовскаго, великорусса Григорія Теплова, въ его запискѣ о необходимости основанія университета въ Батуринѣ: [2]) „По состоянію епархіальныхъ малороссійскихъ школъ, батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и предъ с.-петербургскимъ и московскимъ университетомъ великой въ томъ авантажъ предвидится". А о любви украинскаго народа къ просвѣщенію онъ такъ выражается: „Въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ ни малаго сомнѣнія нѣтъ, потому что въ Малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого къ себѣ содержанія (т. е. отъ казны), а учащіеся и по силѣ обученія никакого одобренія (т. е привиллегій, чиновъ и пр.) нетокмо по сіе время не ослабѣваютъ, но еще по временамъ число учениковъ больше оказывается". Четверть вѣка спустя, въ 1786 г., то же подтверждаетъ авторъ „Топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества" Шафонскій: „Должно малороссіанамъ ту справедливость отдать, что они охот-

---

1) „Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII вѣка, описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ", Москва, 1897, вып. 2-й, стр. 2; подобное же и на стр. 15-й.

2) Напечатана въ „Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей", 1863, кн. 2.

но въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козачьи дѣти, *съ доброй воли* въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ (очевидно существовавшія типографіи не могли удовлетворить спроса!) и терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многіе изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди" [1]).

Но вотъ тогда же, въ концѣ XVIII ст., учреждены были, взамѣнъ старыхъ украинскихъ, русскія народныя школы, и вотъ что мы видимъ. Вскорѣ по открытіи нѣжинскаго народнаго училища (1789) писалось о немъ въ оффиціальной бумагѣ смотрителю его: „Хотя взяты были дѣти отъ дьячковъ (т. е. изъ украинскихъ школъ) и приведены въ училище, но пробыли тамъ только одинъ день, а потомъ болѣе мѣсяца никто изъ

---

[1]) *Шафонскій*, „Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества 1786 г." 1851, стр. 35. (Данилевскій, Украинская старина, 278, 288).—См. еще „Харьковскія Губ. Вѣдомости", 1901, № 117: „Къ десятилѣтію издательскаго комитета Харьковскаго общества грамотности". Здѣсь проф. Д. И. Багалѣй въ своемъ докладѣ говоритъ: „Я могу привести одинъ поразительный фактъ, основанный на мною же открытыхъ документальныхъ данныхъ....: въ 1732 г. вся нынѣшняя Харьковская губернія была усѣяна школами, созданными самимъ народомъ и содержимыми на его собственныя средства, съ его народнымъ и церковно-славянскимъ языками; число учащихся по отношенію къ населенію было тогда *такое же, какъ 1882 г., т. е. 150 лѣтъ спустя,* когда масса школъ была создана земствомъ"...

нихъ не являлся... По полученіи сего, собравъ сорокъ пять дѣтей, сочинить имъ при себѣ именной списокъ и прибить его въ классѣ на стѣнѣ, чтобъ учитель могъ знать кого нѣтъ, и *настаивать* на посѣщеіи у родителей и опекуновъ *при содѣйствіи полиціи*" [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что тѣхъ самыхъ дѣтей, которыя, ради возможности учиться, готовы были „терпѣть холодъ и голодъ и всю скудость и нужду", пришлось силой, при помощи полиціи, тащить въ школу,—только потому, что она была чужая. И мы видимъ, что народъ былъ правъ: благодаря своей школѣ, въ XVII и XVIII вѣкахъ его образовательный уровень былъ очень высокъ, а въ XIX—XX онъ, изъ за чужеязычной школы, упалъ крайне низко, и невѣжество народныхъ массъ очевидно для каждаго.

Вотъ истинная причина того, что украинскій народъ такъ мало теперь читаетъ: не смотря на болѣе чѣмъ столѣтнее воздѣйствіе русской школы, церкви, администраціи, суда, печати, не смотря на полустолѣтнее почти (съ 1863 г.) запрещеніе украинской литературы, русскій языкъ для нашего народа не сдѣлался не только роднымъ, но даже и настолько понятнымъ, чтобы онъ могъ служить хотя для нѣкотораго замѣтнаго усвоенія знаній. Все, чего можно было достичь

---

1) *Пругавинъ*. Вольныя крестьянскія школы. (Русская мысль, 1888(?), I, стр. 43—44). Подробнѣе объ этомъ въ статьѣ проф. Сухомлинова: „Училища и народное образованіе въ Черниговской губ." (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1864, январь).

мѣрами школьной и внѣшкольной руссификаціи, это—порча украинскаго языка у всякаго поучившагося въ школѣ, побывшаго въ солдатахъ и пр., а чѣмъ онъ, этотъ языкъ, замѣняется,—это мы видѣли выше.

Говоря о нежелательныхъ и вредныхъ явленіяхъ, порождаемыхъ среди украинскаго народа чужеязычной школой, мы до сихъ поръ не касались одного, имѣющаго, однако, огромную важность. Это именно то, которое отмѣчено докладомъ г. Леонтовича (стр. 15), а также и слѣдующими словами принятаго черниговскимъ губернскимъ земствомъ въ 1881 г. доклада (см. главу I), отмѣчающаго, что чужеязычная школа „устанавливаетъ извѣстный разладъ между семьею и школою", она увеличиваетъ въ населеніи мѣстности тотъ вредъ, „который неизбѣжно отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьѣ и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполняетъ ихъ новымъ содержаніемъ". И г. Леонтовичъ, и черниговскіе земцы отмѣчаютъ это явленіе на основаніи встрѣчавшихся имъ фактовъ изъ народной жизни; но къ тому же самому выводу приходитъ и Потебня путемъ чисто научнаго изслѣдованія: „Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства,—говоритъ онъ,—то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь не будутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ" [1]).

[1]) Потебня. Языкъ и народность (Вѣстникъ Европы 1895, IX).

Дѣйствительность подтверждаетъ этотъ выводъ.

Ученикъ постоянно слышитъ въ школѣ, что онъ выражается неправильно, что изъясняться его домашнимъ языкомъ нельзя,—такъ говорятъ только необразованные мужики; онъ видитъ при этомъ, что, дѣйствительно, всѣ образованные люди, съ которыми ему приходится встрѣчаться, употребляютъ школьный языкъ, — естественно, что у него мало по малу вырабатывается презрѣніе къ своему собственному языку: онъ стыдится его употреблять и предпочитаетъ ему уродливый жаргонъ, который ему кажется такимъ же, какъ языкъ образованнаго общества или, по крайней мѣрѣ, похожимъ на него. Это неуваженіе къ своимъ языку и народности понижаетъ чувство собственнаго достоинства и уже тѣмъ самымъ понижаетъ и нравственный уровень такого выученика школы, ослабляетъ энергію и смѣлость его, такъ какъ онъ видитъ себя ве въ состояніи быть тѣмъ, чѣмъ могутъ быть люди съ русскимъ языкомъ. Худшіе же изъ такихъ свое неуваженіе къ родному языку переносятъ и на всѣхъ говорящихъ имъ: они съ презрѣніемъ смотрятъ на своихъ родителей, братьевъ, односельчанъ; стараются забыть о своемъ происхожденіи и увѣрить себя и другихъ, что они совсѣмъ не то, что есть; они не только усиленно подчеркиваютъ свою непринадлежность къ малороссамъ и крестьянамъ, но стараются поставить себя выше той среды, изъ которой вышли, путемъ проявленія крайняго презрѣнія къ „мужикамъ“, которыхъ обзываютъ всевозможными презрительными названіями. Все народное, а потому и все украинское, родное является теперь для

такихъ лицъ достойнымъ лишь уничтоженія, какъ мужицкое. Въ этой мысли поддерживаетъ ихъ и то обстоятельство, что школа и по содержанію своего учебнаго матеріала совершенно игнорируетъ эту окружающую ихъ мужицкую жизнь,—значитъ жизнь эта не стоитъ вниманія и уваженія порядочныхъ, образованныхъ людей. Чѣмъ скорѣе они избавятся отъ ея формъ, тѣмъ лучше.

Отъ такихъ взглядовъ не свободны очень часто даже люди, повидимому, уже культурные. Постоянно такое явленіе можно наблюдать на многихъ народныхъ учителяхъ, вышедшихъ изъ народной среды и, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, прошедшихъ учительскую семинарію—какъ они заботятся во всемъ: въ языкѣ, одеждѣ, обращеніи, о томъ, чтобы между ними и народомъ была грань, по возможности широкая и глубокая. Такой учитель является у насъ въ школѣ часто самымъ ярымъ гонителемъ украинскаго языка, насаждая въ ученикахъ то презрѣніе къ нему, въ которомъ выросъ самъ.

Все это вноситъ рознь въ семью и вообще развиваетъ антиобщественные инстинкты. Современная крестьянская жизнь полна примѣрами такого разлада между тѣми, кто говоритъ „панською мовою“ (барскимъ языкомъ), какъ называется въ селахъ русскій языкъ, и тѣми, которые употребляютъ „мову мужицьку“. Членъ семьи, прошедшій школу, если не забрасываетъ школьной премудрости и не забываетъ ее за плугомъ, а продолжаетъ придерживаться ее, не только считаетъ себя, по причинѣ умѣнья коверкать русскія слова, высшимъ по сравненію со своими родными и односельчанами, но, если

онъ не уходитъ куда-либо въ лакеи, писаря, приказчики, дѣлается иногда истиннымъ бичемъ семьи, въ работѣ которой онъ уже не желаетъ принимать участія, какъ человѣкъ „образованный“, но требуетъ въ то же время отъ этой семьи средствъ къ жизни. Кромѣ того, такой субъектъ обыкновенно перенимаетъ ту лакейско-писарскую цивилизацію, которая такъ разлагающе дѣйствуетъ на нравственную природу человѣка. „По нашимъ наблюденіямъ,—говоритъ Драгомановъ —надъ овеликорушенными украинцами, когда національный характеръ слагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая, такимъ образомъ, помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей“. (Истор. Польша, 284). Такимъ образомъ оказывается, что производимая чужеязычной школой *денаціонализація* является въ то-же время и *деморализаціей*. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, случаются исключенія и здѣсь, но чтобы они могли появиться, необходимо соединеніе стольких счастливыхъ обстоятельствъ! А для невнимательнаго наблюдателя встрѣча съ однимъ-двумя такими исключеніями создаетъ иллюзію успѣшной просвѣтительной дѣятельности школы, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

V.

Возраженія противъ украинской школы.

Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія можетъ быть только введеніе родного языка украинцевъ въ ихъ школу. Есть у насъ еще

много приверженцевъ крайней централизаціи, для которыхъ мысль эта является чѣмъ то необычайнымъ, осуществленіе ея—вреднымъ. Попробуемъ, какъ это не трудно для насъ, стать на ихъ точку зрѣнія и съ этого пункта взглянуть на обычныя въ этомъ случаѣ возраженія противъ украинской школы. При этомъ мы оставимъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыя явились результатомъ полицейскихъ соображеній. Остальныя, въ сущности, сводятся къ двумъ пунктамъ.

Первое изъ нихъ продиктовано соображеніями государственнаго характера. Опасаются, что при введеніи украинскаго языка въ школы, государственный языкъ, являясь лишь однимъ изъ предметовъ преподаванія, не будетъ изученъ какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ знаніе его необходимо для каждаго жителя Россіи, такъ какъ на этомъ языкѣ пишутся законы, производится судъ, дѣлаются административныя распоряженія и пр.

Но вѣдь не населеніе существуетъ для законовъ, суда и распоряженій, а наоборотъ, законы, судъ и распоряженія являются для надобностей населенія. Съ этой, единственно правильной, точки зрѣнія и при обнародованіи законовъ, и при судѣ, при административномъ управленіи долженъ употребляться языкъ, наиболѣе понятный населенію, а такимъ только и можетъ быть его родной языкъ. Это совсѣмъ не исключаетъ употребленія языка государственнаго, а значитъ только, что законы государства, состоящаго изъ различныхъ народностей, должны переводиться на мѣстные языки, а судъ и административныя мѣста также должны обращаться къ населенію на его языкѣ. Безъ этого не можетъ быть ни

правильнаго пониманія, а значитъ и исполненія законовъ и административныхъ распоряженій, ни справедливаго суда, такъ какъ судъ не можетъ правильно, а значитъ и справедливо судить, если онъ не понимаетъ какъ слѣдуетъ рѣчи народа, а народъ еще менѣе понимаетъ рѣчи суда,—а какъ разъ это мы и имѣемъ теперь, напр., въ судахъ въ Украинѣ. Всѣ эти соображенія, быть можетъ, составляютъ пока нѣчто необычайное въ Россіи, но въ такихъ разноплеменныхъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ Швейцарія или Австрія, принципъ родного для населенія языка въ законодательствѣ, судѣ и административной дѣятельности давно уже прилагается къ жизни и, напр., въ Австріи все это дѣлается, между прочимъ, и относительно украинскаго языка въ Галиціи. Если же въ Россіи дѣло поставлено иначе, то это лишь потому, что до сихъ поръ здѣсь господствуетъ принципъ поглощенія государственной народностью всѣхъ остальныхъ. При такомъ принципѣ существованіе каждой не государственной народности Россіи предполагается для государства вреднымъ, а потому сама народность подлежащей уничтоженію путемъ медленной или немедленной смерти. Вся ненормальность такой системы, съ точки зрѣнія государственной, очевидна: ограниченныя въ правахъ на существованіе, составныя части государства не развиваются, а потому не можетъ развиваться и само государство.

Впрочемъ, даже и при существующей централистической системѣ правительство не всегда относилось отрицательно къ ознакомленію населенія съ законами на мѣстныхъ языкахъ. Наи-

менѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи украинскому языку, но все же кое-что было и здѣсь. Такъ, напр., съ разрѣшенія высочайшей власти Кулишемъ сдѣланъ былъ въ 1861 г. переводъ на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 г. и Положенія о крестьянахъ. Переводъ этотъ не появился въ свѣтъ только потому, что Кулишъ не согласился на измѣненіе нѣкоторыхъ предложенныхъ имъ терминовъ, заимствованныхъ изъ стараго письменнаго украинскаго языка [1]). Низшая власть также пользовалась тогда украинскимъ языкомъ для своихъ распоряженій: въ нашихъ рукахъ находится плакатъ съ рѣчью кіевскаго губернатора Гессе волостнымъ старшинамъ, гдѣ рѣчь эта напечатана параллельно на двухъ языкахъ: русскомъ и украинскомъ. Намъ неизвѣстно, были ли впослѣдствіи издаваемы такого рода документы оффиціально, но до запрещенія украинской литературы въ 1876 г. частнымъ образомъ кое-что издано было [2]). Позднѣйшая реакція сдѣлала невозможнымъ продолженіе дѣла въ томъ же направленіи. Теперь наступаетъ иное время и должно принять мѣры къ тому, чтобы народъ могъ читать законы на

---

[1]) Переводъ этотъ въ настоящее время напечатанъ во 2-й и 3-й кн. „Кіевской Старины“ за 1905 г., тамъ же разсказана и исторія его.

[2]) Напр: „Про кари, до яких присуджують мирові судді“ (Кіевъ, 1876)—переводъ “Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“; „Короткий виклад із устава 20 нояб. 1864“ Я. Блонскаго (Екат, 1866)—изложеніе судебныхъ уставовъ 1864 г.; „Rк тепер одбуватиметься военна служба“ Троцкаго (Кіевъ, 1875)—о воинской повинности и пр.

своемъ языкѣ, чтобы на томъ же языкѣ обращались къ нему какъ судъ, такъ и административныя учрежденія. Если это будетъ сдѣлано, тогда каждый, хотя бы даже и не обладающій знаніемъ государственнаго языка, все же пойметъ и законъ, и судъ.

Но если бы даже, вопреки интересамъ народа и всѣмъ требованіямъ разумной политики, это и не было сдѣлано, то что же изъ этого? И тогда опасеніе, что при введеніи въ школу украинскаго языка, какъ языка преподаванія, государственный языкъ, оставшись лишь учебнымъ предметомъ, не будетъ въ должной мѣрѣ изученъ, и тогда это опасеніе не имѣетъ важности, такъ какъ и при современномъ положеніи школьнаго дѣла государственный языкъ изученъ настолько плохо, что рѣшительно не гарантируетъ для прошедшаго курсъ школы пониманія законовъ или словопреній. Мы даже вполнѣ увѣрены, что при обученіи на родномъ языкѣ, когда мысль ребенка получитъ возможность развиваться и правильно работать, и изученіе государственнаго языка будетъ подвигаться впередъ быстрѣе, чѣмъ теперь, благодаря чему онъ будетъ изученъ во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ въ настоящее время, не смотря на то, что на него будетъ употребляться меньшее количество времени.

Второе возраженіе противъ введенія украинскаго языка въ школу вкратцѣ таково: украинскій языкъ совсѣмъ не языкъ , а нарѣчіе, и не стоитъ поддерживатъ тѣхъ мелкихъ отличій, которыми онъ отдаляется отъ русскаго языка.

Общеизвѣстно, что точнаго опредѣленія, по которому можно было бы съ увѣренностью отли-

чить нарѣчіе отъ языка, не существуетъ. Обыкновенно-же подъ нарѣчіемъ разумѣется всякій языкъ, не возвысившійся на степень литературнаго языка, а всякое нарѣчіе, на которомъ развилась литература, принято называть языкомъ. Съ этой точки зрѣнія, разъ украинскій языкъ имѣетъ свою литературу, то онъ и является языкомъ, а не нарѣчіемъ. Но въ сущности, для интересующаго насъ вопроса о народномъ просвѣщеніи, совершенно безразлично, къ какому рангу долженъ быть отнесенъ украинскій языкъ и какой титулъ по штату ему присвоить. Вѣдь дѣло не въ томъ—языкъ это или нарѣчіе, а лишь въ томъ, что онъ является для нашихъ дѣтей роднымъ, а значитъ наиболѣе понятнымъ и единственно поэтому пригоднымъ для такого обученія, при которомъ мысль можетъ развиваться и правильно дѣйствовать, безъ чего нѣтъ и быть не можетъ истиннаго воспитанія и просвѣщенія; затѣмъ въ томъ, что русскій языкъ для нашего ребенка или мало понятенъ, или и совсѣмъ непонятенъ, что въ достаточной мѣрѣ доказано предыдущими примѣрами. Отвергая въ обученіи родной языкъ и начиная съ чужого, мы идемъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ всякаго разумнаго воспитанія—воспитывай сообразно съ природой—и совершенно отбрасываемъ другое, не менѣе основное, требованіе дидактики: отъ извѣстнаго иди къ неизвѣстному, такъ какъ начинаемъ съ неизвѣстнаго дѣтямъ русскаго языка, игнорируя извѣстный имъ—родной; наконецъ—такая система народнаго образованія, не обезпечивая ни мало доброкачественности этого образованія, приводитъ на практикѣ ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ, о которыхъ мы только что говорили

въ предыдущей главѣ При такомъ положеніи вещей какой же смыслъ имѣетъ для насъ въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ—языкомъ или нарѣчіемъ называть ту рѣчь, которую употребляетъ украинскій народъ? Заниматься, говоря о школѣ, рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, это значитъ—тратить время на праздное и лишенное всякаго практическаго значенія схоластическое доктринерство.

Намъ кажется, что вопросъ уже въ достаточной мѣрѣ исчерпанъ предыдущими замѣчаніями; но для тѣхъ читателей, которые все еще останутся въ сомнѣніи, позволимъ себѣ высказать еще нѣсколько замѣчаній, при чемъ умышленно предоставимъ слово лицамъ, въ вопросѣ объ украинскомъ языкѣ совсѣмъ не заинтересованнымъ и даже не подозрѣвавшимъ, вѣроятно, о существованіи этого вопроса, а именно—западноевропейскимъ ученымъ и педагогамъ; кромѣ того, мы, для большей (въ глазахъ такихъ читателей) убѣдительности, предположимъ на время, что имѣемъ дѣло не съ языкомъ, а съ нарѣчіемъ.

Итакъ, какъ-же относятся упомянутые педагоги и ученые къ мѣстнымъ нарѣчіямъ?

„Привязать человѣка къ (мѣстной) родинѣ,—говоритъ Дистервегъ,—научить его не только познавать эту родину, но и воодушевить его любовью къ ней, ея свойствамъ и особенностямъ, вовсе не значитъ покровительствовать провинціальной узкости, а напротивъ, укрѣпить корни его силы. Корни эти заключаются въ почвѣ его родины, въ особенностяхъ его земляковъ, въ ихъ исторіи“.

Вышеприведенныя слова написаны въ прибавленіи къ статьѣ Гегнера (Rheinische Blätter,

1848), въ которой послѣдній настаивалъ на допущеніи нарѣчій въ народное образованіе. Кромѣ того, Дистервегъ говоритъ: „Кто согласенъ съ тѣмъ, что степень развитія, на которой стоитъ учащійся, должна быть непремѣнно исходной точкой для всего послѣдующаго обученія, тотъ не можетъ спорить противъ того, что учитель долженъ обращать вниманіе на языкъ, которымъ объясняются ученики при вступленіи въ школу. Новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное – посредствомъ извѣстнаго. *Другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны*".

Многіе нѣмецкіе педагоги не ограничиваются требованіемъ начинать въ школѣ съ нижне-нѣмецкаго нарѣчія, на которомъ говорятъ дѣти, и переходить затѣмъ постепенно къ верхне-нѣмецкому языку. Они желаютъ, чтобы учитель вначалѣ самъ говорилъ на нарѣчіи и чтобы нѣкоторые школьные предметы преподавались на нарѣчіи, а не на литературномъ языкѣ. Примѣры такихъ требованій представлены въ книгѣ Генриха Бургвардта: „Утренніе голоса естественнаго и народнаго преподаванія языка и школьнаго ученія въ нижне-нѣмецкихъ школахъ" [1]).

Альбертъ Рихтеръ, извѣстный въ нѣмецкой ученопедагогической литературѣ писатель, въ своей книгѣ: „Преподаваніе на родномъ

---

[1]) Morgenstimmen eines naturgemässen und volksthümlichen Sprach und Schulunterrichts in niederdeutschen Volksschulen, von H. Burgwardt, Leipzig, 1859.

языкѣ и его народное значеніе“ [1]) говоритъ, что учитель долженъ обращать вниманіе своихъ учениковъ на красоты и преимущества нарѣчія, долженъ уяснить ученикамъ, какое цѣнное сокровище находится въ ихъ обладаніи, чего они и не подозрѣвали; обязанъ показать, какъ далекъ онъ отъ того, чтобы считать это сокровище незначительнымъ, чтобы пренебрегать его примѣненіемъ. Онъ констатируетъ далѣе фактъ, что благодаря бывшему въ его время пренебреженію въ школахъ нарѣчіемъ, литературный нѣмецкій языкъ изучается крайне плохо и „по донесеніямъ рекрутскихъ комиссій *ничто такъ не забывается учениками, какъ знаніе нѣмецкаго (литературнаго) языка*“. Т. е. въ нѣмецкихъ школахъ получался тогда какъ разъ тотъ же результатъ, что и въ нашихъ чужеязычныхъ школахъ, и по тѣмъ же причинамъ, что и у насъ.

Исходя изъ убѣжденія, что „не можетъ быть читальника, приспособленнаго для всей Германіи“, Рихтеръ настаиваетъ на необходимости включенія въ читальникъ мѣстныхъ діалектовъ. Кромѣ статей, необходимы тамъ народныя пословицы и сказки на діалектѣ, „далѣе— картины изъ жизни природы и людей, на сколько эта мѣстность представляетъ собою что либо особенное, отличительное. Гдѣ имѣются поэтическія воспроизведенія какой-либо мѣстности,— на нихъ тоже должно быть обращено вниманіе, особенно, если они имѣютъ такія достоинства,

---

[1]) Der Unterricht in der Mutterschprache und seine nationale Bedeutung, Leipzig, 1872.

какъ напр., вестфальскія стихотворенія „Freiin Annette von Droste-Hülshoff“. Прославленіе тѣсной родины чрезвычайно важно. Подобно тому, какъ мы научаемся уважать въ собственномъ народѣ всѣ народы, въ отечествѣ всѣ страны,—такъ точно и тутъ уваженіе къ небольшой части производитъ свое вліяніе на возбужденіе уваженія къ цѣлому“ [1]).

Гильденбрантъ въ статьѣ „О преподаваніи нѣмецкаго языка въ школѣ“ [2]) говоритъ по поводу того вреда, который получается, когда люди, оставившіе родное нарѣчіе, силятся отдѣляться отъ той „низшей“ среды, изъ которой они вышли—явленіе очень замѣтное и у насъ, какъ о томъ мы говорили выше. „Я боюсь,—говоритъ онъ,—что сердца многихъ учителей лежатъ на сторонѣ большого почтенія къ верне-нѣмецкому языку. Дѣйствительно пріятно для своего я чувствовать себя высшимъ, особенно для того, кто самъ съ трудомъ вышелъ изъ простого народа и еще борется съ послѣдними привязанностями, притягивающими его туда, какъ это часто случается съ народными учителями. Теперь онъ причисляетъ себя къ высшему слою, который вездѣ въ отечествѣ отдѣляется отъ низшаго; но въ то время, когда сознаніе этого разрыва такъ нужно многимъ для ихъ благополучія и само-

---

[1]) Изложеніе взглядовъ Рихтера см. въ помянутой статьѣ Л. Д.: „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи“. Оттуда же взяты нѣкоторыя другія приводимыя въ этой главѣ цитаты.

[2]) Vom deutschen Sprachunterricht in der Schule. Leipzig. 1867, стр. 120—130.

довольства, *другіе принимаютъ этотъ разрывъ за несчастіе, и ходъ нашего внутренняго развитія за послѣднее столѣтіе отдаетъ справедливость послѣднимъ*".

Интересны также мнѣнія профессора сравнительнаго языкознанія въ Парижѣ Бреаля, высказанныя имъ въ 1872 г. [1]) по поводу господствовавшаго во французскихъ школахъ пренебреженія къ родному языку народа. „Большая часть нашихъ воспитателей,—говоритъ онъ,—преподаютъ французскій языкъ, какъ нѣчто настолько высшее относительно народныхъ нарѣчій, что невозможно ни на минуту подумать провести параллель между ними; *патуа* для нихъ никакъ не вспомогательное средство, если же и говорятъ о немъ, то какъ о противникѣ, котораго нужно уничтожить. Съ ученикомъ, пришедшимъ въ школу и говорящимъ своимъ *патуа*, обращаются такъ, какъ будто онъ ничего не принесъ съ собою; часто даже его упрекаютъ за то, что онъ принесъ, заявляютъ, что было бы гораздо желательнѣе, если бы онъ не зналъ ничего, нежели этотъ непозволительный говоръ, къ которому онъ привыкъ. Ничего нѣтъ прискорбнѣе такого отношенія къ діалектамъ. *Патуа* не только не вредитъ изученію французскаго языка, напротивъ, оно—лучшее вспомогательное для него средство, и совсѣмъ не трудно будетъ доказать, что тамъ, гдѣ существуетъ *патуа*, грамматическое преподаваніе, какъ бы

---

[1]) Въ книгѣ „Нѣсколько словъ объ общественномъ воспитаніи во Франціи" (Quelques mots sur l'instruction publique en France. Paris, 1872).

неумѣло за него ни взялись, тотчасъ же дѣлается занимательнѣе“.

Мы просимъ припомнить то, что говоритъ по этому поводу Рихтеръ и наше мнѣніе о томъ, что употребленіе родного языка учащихся въ школѣ только усилитъ успѣшность обученія русскому языку: очевидно, что и нѣмецкій, и французскій ученый приходятъ къ тому же выводу о собственныхъ языкахъ и приходятъ,—что важно—*на основаніи фактическихъ данныхъ.*

Пренебреженіе къ родному языку учащихся и тамъ, во Франціи, вызывало разладъ въ семьѣ. Бреаль говоритъ по этому поводу: „Если вмѣстѣ съ тѣмъ учитель покажетъ ему (ребенку), что его діалектъ, какъ это часто случается, сходенъ съ древне французскимъ и что онъ приближается къ языку Генриха IV или къ языку Людовика Святого,—какъ свободно вздохнетъ ребенокъ; возвратясь домой, онъ взглянетъ другимъ глазомъ на домашній очагъ. Не первое ли это изъ благъ, если у васъ не отнимаютъ вашего собственнаго языка для того, чтобы заставить васъ усвоить языкъ Парижа? Если, по счастію, провинція ваша имѣетъ уже нѣсколько авторовъ, такихъ, какъ Жасменъ, Руманиль или Мистраль [1]), читайте эти книги наряду съ французскими. Дитя будетъ гордиться своей провинціей и только еще больше будетъ любить Францію. Духовенство хорошо знаетъ эту силу родного діалекта; оно умѣетъ при случаѣ пользоваться имъ, а *ваша культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно, чтобы школа была прикрѣп-*

---

[1]) Провансальскіе поэты

лена къ почвѣ, а не только просто сверху наложена не нее".

Наши выписки и изложеніе мнѣній западно-европейскихъ ученыхъ педагоговъ можно было бы продолжить и далѣе;. но намъ кажется, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ относятся къ мѣстнымъ нарѣчіямъ тамъ, гдѣ вопрссъ не осложненъ никакими посторонними соображеніями, а поставленъ на единственно законную въ данномъ случаѣ почву—на почву педагогическихъ требованій. Согласно такимъ мнѣніямъ въ западно европейскихъ школахъ давно уже уцотребляются мѣстныя нарѣчія и учебники на нихъ. Намъ остается привести еще одну только выписку, чтобы представить образчикъ такого преподаванія на мѣстномъ нарѣчіи. Дѣло идетъ о швейцарскихъ школахъ въ Бернѣ.

„Учительница на первое время не только не исправляетъ рѣчи учащихся, но сама говоритъ съ ними не по нѣмецки, но на діалектѣ народномъ, которымъ ребенокъ говоритъ въ семьѣ и только *послѣ* того, какъ дѣти на народномъ нарѣчіи усвоятъ извѣстную мысль, учительница выражаетъ ту же мысль на нѣмецкомъ языкѣ. при чемъ дѣти выучиваютъ сначала отдѣльныя слова предложенія и затѣмъ постепенно пріучаются къ связному произношенію ихъ. Въ бернскихъ школахъ настолько дорожатъ доступностью для ученика того языка, на которомъ онъ отвѣчаетъ на вопросъ учителя, что и въ старшемъ классѣ, *послѣ десяти лѣтъ обученія*, учитель нерѣдко, въ случаѣ неясности или неточности отвѣта ученика на нѣмецкомъ языкѣ, приглашаетъ его выразить свою мысль на народномъ нарѣчіи, на „бернскомъ" діалектѣ,

и подобные пріемы оказываются необходимыми тамъ, гдѣ разговорный языкъ (бернскій діалектъ) настолько близокъ къ книжному нѣмецкому языку, которымъ говоритъ и всякій учившійся швейцарецъ, что при основательномъ знаніи послѣдняго діалектъ совершенно понятенъ. Итакъ, вопросъ о соперничествѣ нѣмецкаго, оффиціальнаго языка въ Бернѣ, съ „діалектомъ", народнымъ нарѣчіемъ, употребительнымъ даже въ высшихъ слояхъ общества, поставленъ въ бернской школѣ такимъ образомъ: преподаваніе *начинается* на народномъ нарѣчіи, какъ вполнѣ понятномъ дѣтямъ, при чемъ постепенно изучается нѣмецкій языкъ; затѣмъ учитель преподаетъ всѣ предметы по нѣмецки, но продолжаетъ пользоваться нарѣчіемъ, какъ языкомъ вспомогательнымъ, которымъ дорожитъ всякій гражданинъ Берна, не только не помышляя объ изгнаніи нѣмецкаго языка изъ школы, но считая, напротивъ, основательное изученіе его одною изъ основныхъ задачъ элементарнаго курса" [1]).

Такимъ образомъ, тотъ вопросъ, который является у насъ нерѣшеннымъ, а именно вопросъ о введеніи мѣстнаго нарѣчія въ школу, оказывается рѣшеннымъ и теоретически, и практически на западѣ. Рѣшенъ онъ въ утвердительномъ смыслѣ, и практика дѣла показываетъ намъ, что западно-европейскія страны, достигшія такого уровня народнаго просвѣщенія, который для насъ является пока лишь идеаломъ, пошли не по ложному пути.

---

[1]) *Корфъ*. Утилитарное и развивающее обученіе въ народномъ училищѣ. (Народная школа, 1877, № 5, стр. 6).

Но если неизбѣжно признать этотъ путь правильнымъ,—а въ томъ едва ли возможны сомнѣнія,—если потомъ сопоставить съ этимъ то, что было высказано по поводу школы для украинцевъ педагогами и общественными учрежденіями, а также и изложенныя нами фактическія данныя, то не менѣе неизбѣженъ будетъ и другой выводъ, а именно: какъ бы мы ни смотрѣли на украинскій языкъ,—какъ на нарѣчіе или какъ на языкъ—это безразлично: но введеніе его въ школьное преподаваніе вызывается основными требованіями педагогики и дидактики, и только при исполненіи этого требованія и возможно будетъ серіозно говорить о просвѣщеніи украинскаго народа. И такъ какъ украинскій языкъ является языкомъ уже имѣющимъ литературу, то введенъ онъ долженъ быть, какъ языкъ преподаванія, на которомъ учатъ и который изучаютъ.

Намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе такое разрѣшеніе вопроса будетъ имѣть на положеніе народнаго учителя.

Въ настоящее время учитель, пытающійся хоть сколько нибудь облегчить школьное обученіе, позволяя себѣ дѣлать ученикамъ объясненіе русскихъ словъ по украински или давать иногда украинскую книжку, подвергается преслѣдованіямъ. Такъ напр., учитель г. М. Лободовскій не только былъ въ 1875 г. изгнанъ изъ городищенской школы (Кіевск. губ.), но, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія Д. Толстого, былъ лишенъ права учительствовать во всей Россіи за то лишь, что онъ „перевелъ одинъ стихъ Евангелія отъ Матѳея по малороссійски“, какъ сказано было въ донесеніи инспек-

тора народныхъ училищъ Солнцева. Талантливый учитель Александровскаго у. Я. Новицкій, впослѣдствіи извѣстный этнографъ-собиратель, былъ уволенъ „по случаю нахожденія у него шести малороссійскихъ книгъ"—цензурныхъ, конечно. Въ 1864 г. извѣстный философъ В. В. Лесевичъ устроилъ у себя, въ с. Денисовкѣ (Луб. у.) школу, въ которой употреблялся украинскій языкъ; но когда объ этомъ узнали, школа (въ 1866 г.) была закрыта, ея учитель г. Безуглый подвергся такой же карѣ, какъ и г. Лободовскій. Хотя, послѣ жалобы г. Лесевича въ сенатъ, права и школы, и учителя были возстановлены, но предписано строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ школѣ не было ни одной украинской книжки.

Количество подобныхъ примѣровъ можно было бы увеличить; но множество ихъ кануло въ неизвѣстность, благодаря отсутствію свободы слова и робости обывателя, старающагося замолчать начальническій гнѣвъ даже самый несправедливый [1]). Введеніе украинскаго языка въ школу сдѣлало бы невозможными такіе факты.

Но оно важно было бы для учителя еще и въ другомъ отношеніи. Въ настоящее время учитель, сидящій въ селѣ, по выраженію Ушинскаго, въ „странномъ мѣстѣ", говорящій на малопонятномъ языкѣ, является для нашего кресть-

---

[1]) Исторія съ денисовской школой была разсказана самимъ г. Лесевичемъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1867 г. О ней и о прочемъ см. еще помянутую статью Драгоманова „Народні школи", а также въ „Литературномъ обозрѣнія" „Вѣстника Европы", 1881, № 2, стр. 897.

янина однимъ изъ многочисленныхъ чиновниковъ, поставленныхъ отъ начальства свыше, но не имѣющихъ никакой связи съ почвой, на которой они стоятъ. Совсѣмъ другое получилось бы, если бы учитель заговорилъ и въ школѣ, и за школой съ народомъ *его* языкомъ: между нимъ и народомъ существовала бы тогда духовная связь, а это несомнѣнно подняло бы значеніе и учителя, и вообще школы.

VI.

Безъ развитія народнаго языка нѣтъ развитія народа.

До сихъ поръ мы не выходили изъ рамокъ чисто школьнаго вопроса и если затрагивали по пути нѣкоторыя явленія, изъ этихъ рамокъ выходящія, то дѣлали это лишь случайно и слегка.

Однако, дѣло просвѣщенія милліоновъ народныхъ массъ, первой ступенью для котораго является начальная школа, требуетъ, чтобы вопросъ о самомъ главномъ средствѣ этого просвѣщенія—языкѣ—былъ поставленъ и глубже, и шире, въ соотвѣтствіи именно съ требованіями народнаго просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Для того, чтобы имѣть возможность это сдѣлать, необходимо прежде обратиться къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ относительно языка вообще, какъ они поставлены въ современной наукѣ.

Взглянемъ прежде всего на *слово*—что оно изъ себя представляетъ, изъ какихъ элементовъ слагается. На первомъ планѣ стоятъ въ немъ

два слѣдующіе: *звуковая форма* и *значеніе*, — безъ этихъ двухъ элементовъ слово немыслимо: отнимите у любого слова, напр., *столъ*, сочетаніе составляющихъ его звуковъ, и слова уже не будетъ, оно превратится въ чистое понятіе или представленіе; и наоборотъ: лишенное своего значенія, слово перестаетъ быть словомъ и превращается, по выраженію Потебни, въ „искуственный фонетическій препаратъ“. Такимъ образомъ, слово прежде всего - *единство членораздѣльнаго звука и значенія.*

Сознаніе этого единства присуще намъ въ высшей мѣрѣ: достаточно правильно произнести данное сочетаніе звуковъ, чтобы значеніе слова предстало предъ нами немедленно, и наоборотъ: достаточно небольшого измѣненія въ этомъ сочетаніи, чтобы слово превратилось въ „искусственный фонетическій препаратъ“, не имѣющій смысла или получило другое значеніе. Употребляя при обученіи вмѣсто родного слова чужое, мы прежде всего нарушаемъ это единство, т. е. заставляемъ мысль учащагося: а) отвергнуть прежнее сочетаніе звуковъ (напр., *хата*), б) усвоить новое (*изба*), в) соединить это новое съ имѣющимся въ сознаніи значеніемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы произнесеніемъ требуемыхъ звуковъ просто вызвать извѣстное понятіе или представленіе, мы заставляемъ учащагося продѣлать очень сложный умственный процессъ, требующій огромной затраты мыслительной энергіи.

Но этимъ трудность задачи не исчерпывается. Дѣло въ томъ, что успѣшно исполнить послѣднюю часть этого процесса — соединить новое сочетаніе звуковъ съ имѣющимся уже въ сознаніи значеніемъ — въ сущности, невозможно.

Вѣдь общеизвѣстно, что словами выражаются только представленія о предметахъ, а не самые предметы, представленія же эти различны у различныхъ народовъ.

Взглянемъ на то, что возникаетъ въ умѣ великоросса при словѣ *изба* и у малоросса при словѣ *хата*. Первому, очевидно, сейчасъ представятся [1]) черныя стѣны, сложенныя изъ еловыхъ или сосновыхъ бревенъ, надъ крышей, спускающейся лишь съ двухъ сторонъ, вырѣзной пѣтушекъ ипи рѣзной изъ дерева кругъ съ мочальной лентой; внутри стѣны также черны, подъ потолкомъ полати и т. п. Украинцу при словѣ *хата* представляются гладко обмазанныя глиной бѣлыя стѣны, соломенная крыша, спускающаяся на всѣ четыре стороны; внутри—стѣны бѣлыя, печь—разрисована орнаментами, цвѣтами, птицами и пр., между печью и стѣною—*піл*, на стѣнахъ, возлѣ образовъ, вышитыя полотенца и т. п. Когда украинцу, обучаемому порусски и читающему описаніе избы, скажутъ, что *изба=хата*, то какимъ образомъ онъ можетъ соединить сочетаніе звуковъ *изба* съ представленіемъ, находящимся подъ сочетаніемъ звуковъ *хата?* Очевидно, что у него, при вытѣсненіи стараго представленія новымъ, произойдетъ такое смѣшеніе признаковъ, послѣ котораго имѣвшееся у него ясное представленіе, обозначенное словомъ *хата*, исчезнетъ и замѣнится какимъ-то другимъ, совершенно неяснымъ и сбивчивымъ. И это неясное и сбивчивое будетъ у него появ-

---

[1]) Признаки заимствуемъ изъ вышеприведеннаго описанія въ школьной книгѣ.

ляться не только каждый разъ, какъ только онъ произнесетъ слово *изба*, которое ему велѣли употреблять вмѣсто *хата*, но и каждый разъ при словѣ *хата*, которое онъ будетъ произносить вопреки приказанію,—это неизбѣжно, разъ два представленія, двѣ суммы признаковъ, вытѣсняя другъ друга, смѣшались въ сознаніи [1]). Такимъ образомъ, *первымъ результатомъ замѣны родного языка чужимъ является устраненіе прежде бывшихъ ясныхъ представленій и замѣна ихъ неясными и сбивчивыми.*

Но положеніе еще усложняется тѣмъ, что во всѣхъ языкахъ есть огромное количество словъ, въ которыхъ, кромѣ *звука* и *значенія*, усматривается еще третій элементъ — *способъ изображенія* даннаго значенія. Таковы, напр., русскія слова: „молокососъ“, „земледѣлецъ“, „могильница“ (растеніе) и другія живописныя слова. Ближайшее этимологическое значеніе такихъ словъ ясно для всякаго говорящаго порусски. Черезъ посредство такого слова предметъ не

---

[1]) Т. е. иными словами—учащійся утрачиваетъ хорошее знаніе и своего собственнаго языка. То обстоятельство, что здѣсь языки близки, не только не улучшаетъ, но ухудшаетъ положеніе. „Извѣстно,—говоритъ профессоръ Бодуэнъ де Куртенэ,—что съ практическимъ изученіемъ одного прежде практически неизвѣстнаго славянскаго языка теряется отчасти бѣглость во владѣніи извѣстными до сихъ поръ языками (явленіе, свойственное изученію не только славянскихъ, но и всѣхъ въ такой-же степени родственныхъ языковъ)“. (Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію. Вып. I. Казань, 1876, стр. 21). Если таковы результаты простого изученія близкаго языка, то тѣмъ болѣе это неизбѣжно при такомъ изученіи, когда одинъ языкъ долженъ вытѣснять другой.

просто „означается“, а рисуется въ умѣ со стороны одного изъ своихъ признаковъ, и говорящій ясно сознаетъ способъ изображенія даннаго значенія. Въ различныхъ языкахъ различны и способы такого изображенія. Разсмотримъ примѣръ, приведенный у Потебни [1]): образъ *жалованье*, т. е. нѣчто пожалованное (въ знакъ любви, сравн. жаловать—любить), подарокъ, не составляетъ значенія этого слова, а является однимъ изъ способовъ представлять это значеніе, которое вовсе не „подарокъ“, а „законное вознагражденіе“. Но то же самое значеніе уже иначе представлено, посредствомъ другого образа, ръ латинскомъ *pensio*, т. е. какъ нѣчто такое, что отвѣшивается, еще иначе въ латинскомъ *annuum* (то, что отпускается на годъ), опять иначе во французскомъ *gage* (залогъ, ручательство) и еще иначе въ нѣмецкомъ gehalt (содержаніе). Значеніе всѣхъ этихъ словъ—одно, способы изображенія—различны, а потому каждое изъ нихъ *направляетъ мысль иначе*.

То же самое получается при сравненіи соотвѣтствующихъ словъ русскихъ съ украинскими.

Возьмемъ приведенные выше примѣры: *земледѣлецъ*, *могильщица*.

Земледѣлецъ поукраински *хлібороб*. По русски это человѣкъ, который дѣлаетъ *землю*, поукраински—онъ дѣлаетъ *хлѣбъ*. Для украинца кажется вполнѣ естественнымъ дѣлать *хлѣбъ*: его нѣтъ и онъ цоявляется послѣ цѣлаго ряда дѣйствій, какъ результатъ таковыхъ; но дѣлать *землю*—это украинцу кажется полнымъ абсур-

---

1) Потебня, Мысль и языкъ, 2-е изд., стр. 178.

домъ: вѣдь земля есть, всегда на лицо,—какъ же ее можно дѣлать? Не ясно-ли, что, желая вытѣснить слово *хлібороб* словомъ *земледѣлецъ*, мы заставляемъ мысль украинца не только пойти по иному направленію, но и по такому, которое для него является ложнымъ?

Или возьмемъ слово *могильница*, иначе порусски—*гробъ-трава*. Это растеніе поукраински называется *барвінок*. Способъ изображенія, присущій обоимъ русскимъ словамъ, таковъ, что направляетъ мысль въ сторону *могилы*, *гроба*, *смерти*, *тлѣнія*. Совсѣмъ иное со словомъ *барвінок*. Названіе это, повидимому, заимствованное, [1]) но въ народной рѣчи оно фонетически сближено со словомъ *барва*—цвѣтъ, и потому возбуждаетъ представленіе о чемъ-то цвѣтномъ, яркомъ. Кромѣ того, со словомъ *барвінок* связанъ элементъ поэтически-бытовой, такъ какъ растеніе это является однимъ изъ любимѣйшихъ въ украинской народной поэзіи и въ народномъ быту. Въ поэзіи это—символъ мужской молодой красоты, и нѣжныя обращенія: „Ой, ти, козаче, хрещатий барвінку!" постоянны въ народныхъ любовныхъ пѣсняхъ. Украинская дѣвушка старается имѣть въ своемъ садикѣ грядочку *барвінку*, за которымъ заботливо ухаживаетъ. Въ свадебномъ ритуалѣ *барвінок* въ большомъ употребленіи. Изъ пѣсенъ видно, что въ прежнее время жениха украшали вѣнкомъ изъ этого растенія.

---

[1]) Ср. латин. vinca pervinca, нѣмец. das Bärwinkel. франц. la petite pervenche, англ. smalt pervinckle.

З чого ж ми будем князеві вінок плели?
Ой є в городі хрестастний барвінок,—
З того ми будем князеві вінок плели[1]).

Въ настоящее время барвинковымъ вѣнкомъ украшаетъ себя дѣвушка;[2]) такіе же вѣнки надѣваютъ на свои головы женщины, пекущія свадебный хлѣбъ—*коровай*; *барвінком* украшаютъ свадебное деревцо (*гільце*) и пр.[3]).

Такимъ образомъ, у говорящаго поукраински при словѣ *барвінок* является представленіе о чемъ-то цвѣтномъ, красивомъ, связанномъ съ красотой молодого мужчины, съ любовью, радостями разцвѣтающей жизни, т. е. совершенно противоположное тѣмъ образамъ смерти, могилы и тлѣнія, которые вызываетъ у великоросса слово *могильница* (*гробъ-трава*). Не ясно ли, что, силясь замѣстить слово *барвінок* словомъ *могильница*, мы тѣмъ самымъ опять таки направляемъ народную мысль не только по иному пути, но при томъ и по совершенно противоположному, который явится для этой мысли рѣшительнымъ извращеніемъ имѣющихся уже у нея представленій?

Итакъ, что же дѣлаетъ школа, отбрасывающая языкъ народа, замѣняющая его чужимъ? Она заставляетъ народную мысль сдѣлать огромное усиліе: сойти со всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ путей, по которымъ она ходила съ незапамят-

---

[1]) Чубинскій, Труды, IV, 99.

[2]) Костомаровъ, Литературное наслѣдіе, 402.

[3]) Чубинскій, Труды, IV, 99, 25. - Kolberg, Pokucie, 228—230 и проч.

ныхъ временъ и пойти въ новыхъ, не менѣе безчисленныхъ направленіяхъ, очень часто прямо противоположныхъ тѣмъ, которыми она шла до сихъ поръ. „Каждый языкъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—образуетъ вокругъ народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти въ подобную сферу другого народа“ [1]). Очевидно, это такое разрушеніе всѣхъ устоевъ выработаннаго вѣками народнаго мышленія, такая ломка, послѣ которой наступаетъ то опустошеніе сознанія, при которомъ неизбѣжно на мѣстѣ вытѣсняемыхъ формъ „воцаряется мерзость запустѣнія“ [2]). Очевидно, что при такихъ условіяхъ народная мысль не только не можетъ развиваться, она вообще не въ состояніи работать сколько-нибудь продуктивно,—она можетъ лишь путаться въ лабиринтѣ противорѣчій или рабски слѣдовать за указкой.

„Языкъ—творческій органъ мышленія“ (die Sprache ist das bildende Organ des Denkens)—училъ еще В. Гумбольдтъ. Одинъ изъ авторитетнѣйшихъ новѣйшихъ филопоговъ, глубокій мыслитель А. А. Потебня, отправляясь отъ основныхъ положеній Гумбольдта, развилъ психологическую теорію языка, какъ силы творящей и преобразующей мысль. Онъ доказалъ, „что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложив-

---

[1]) Гумбольдтъ, О различіи строя человѣческаго языка и вліянія его на умственное развитіе человѣческаго рода (1876).

[2]) Потебня, Языкъ и народность („Вѣстникъ Европы“ 1895, IX).

шагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность“ [1]). Отсюда ясно, что *если языкъ народа не развивается, то не можетъ развиваться и народная мысль, творческія силы народа умираютъ.* Справедливость этого правила мы видимъ и на украинскомъ народѣ. Нѣкогда такой богатый духовными силами, онъ съумѣлъ создать собственную культуру, выработать оригинальное міросозерцаніе и попробовалъ воплотить въ жизнь свои идеалы здороваго и красиваго человѣческаго существованія, основаннаго на свободѣ, равноправности и справедливомъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Встрѣченный неблагопріятными историческими условіями, истощенный долгой предварительной борьбой за свободу, онъ не успѣлъ сдѣлать желаемаго, но его духовная сила съ яркостью проявила себя въ различныхъ областяхъ художественнаго творчества и главнымъ образомъ въ созданіи народной поэзіи, удивительная красота и сила выраженія которой давно уже отмѣчены изслѣдователями [2]). И вотъ мы видимъ, что давшій такую поэзію народъ въ настоящее время не въ состояніи создать ничего равнаго ей. Хотя его творческія силы не умерли, но развитіе ихъ задержано невозможностью развитія языка, а потому и мысли. Какія неисчислимыя бѣды получаются отъ этого

---

[1]) Потебня, Мысль и языкъ, 2-е изд.. 173. Сравн. также выше (въ 1-й главѣ) цитированное нами мнѣніе Весселя.

[2]) Мнѣнія Бѣлинскаго, Пыпина, Галахова и другихъ русскихъ писателей и ученыхъ по этому поводу извѣстны. Вотъ отзывы нѣкоторыхъ иностранцевъ. Боден-

для самого народа,—это понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій. Но этимъ дѣло не ограничивается. Народъ безъ развивающейся, прогрессирующей мысли, безъ творчества *является въ общечеловѣческой семьѣ больнымъ членомъ, не вносящимъ въ общую сокровищницу пріобрѣтеній человѣческаго духа ничего своего, не дающимъ туда своего обязательнаго вклада.*

Вотъ та общечеловѣческая точка зрѣнія, стоя на которой, не только тотъ, кто принадлежитъ къ украинскому народу, но и каждый, желающій человѣчеству развитія, долженъ высказаться въ пользу совершеннаго измѣненія системы образованія украинскаго народа и вообще трактованія его какъ народности. Вѣдь для каждаго совершенно ясно, что если въ семьѣ существуетъ больной, неразвитой и въ силу этого неработоспособный членъ ея, то онъ является обузой для семьи; не то же ли самое и съ великой міровой семьей народовъ? Каждый неразвитой

штедтъ, нѣмецкій поэтъ, извѣстный переводчикъ Пушкина и Лермонтова, при изданіи перевода избранныхъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ (Die poetische Ukraine, eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder, Stutgard, 1845) высказываетъ, что „малорусскій языкъ самый благозвучный изъ всѣхъ славянскихъ языковъ съ большими музыкальными задатками", и что „ни въ какой другой землѣ дерево народной поэзіи не принесло такихъ величественныхъ плодовъ, нигдѣ духъ народа не запечатлѣлся такъ живо и свѣтло въ пѣсняхъ, какъ у малоруссовъ". Въ такомъ же родѣ говоритъ и Тальви (Handbuch einer Geschichte der slavischen Sprachen und Literatur.. Leipzig., 1852, 301), Лукичъ (Slavische Blätter, 1, 6, 294) говоритъ: „Народная поэзія малороссовъ самая богатая въ Европѣ". См. еще „Записки Юго-западн. отдѣла и. р. географическаго общества." II. 47—48.

народъ, не принимающій продуктивнаго участія въ духовной работѣ человѣчества, также является обузой для человѣчества, какъ больной членъ семьи для этой послѣдней. И если каждая разумная семья стремится устранить причины, дѣлающія ея члена больнымъ и неработоспособнымъ, то не то же ли самое должны дѣлать и народы по отношенію къ народамъ-братьямъ?

Украинскій народъ, прежде такой культурный и полный жизненныхъ творящихъ силъ, въ настоящее время какъ разъ находится въ положеніи задержаннаго, извращеннаго въ своемъ развитіи и потому неработоспоообнаго члена міровой семьи. Причинъ этому много, но первая и главная, безъ устраненія которой все остальное помочь не можетъ, это убійственная преграда, положенная развитію его духовныхъ силъ путемъ запрещенія его языка, какъ языка просвѣщенія, литературы, общественной жизни и пр. И эта причина должна быть уничтожена прежде всего въ интересахъ самого украинскаго народа: онъ желаетъ жить и пользоваться жизнью во всемъ ея объемѣ, онъ желаетъ участвовать въ творческой работѣ человѣчества и имѣетъ право требовать устраненія поставленныхъ ему преградъ и созданія необходимыхъ для такой жизни и работы условій.

Достиженіе этого лежитъ также и въ интересахъ великорусскаго народа, во имя котораго обрусяется украинскій. „Народность, поглощаемая другой народностью, вноситъ въ эту послѣднюю начала распаденія“ говоритъ Потебня [1].

---

[1]) Языкъ и народность („Вѣстникъ Европы“, 1895, IX).

И въ самомъ дѣлѣ; что можетъ внести въ другую народность та народность, сознаніе которой опустошается и на мѣстѣ вытѣсняемыхъ формъ его воцаряется мерзость запустѣнія?

Но, слышимъ мы обычное возраженіе, —къ чему же все это можетъ повести? Положимъ, будетъ введенъ въ народную школу украинскій языкъ, разрѣшена будетъ запрещенная теперь литература и пр., и пр. Что же изъ этого получится? Черезъ нѣсколько времени, съ развитіемъ, при помощи школы и литературы, народнаго самосознанія, появится на очереди вопросъ объ украинскихъ гимназіяхъ и университетахъ и все прочее въ такомъ родѣ. Не поведетъ ли это къ совершенному измѣненію современныхъ отношеній между великоруссами и малоруссами.

На это мы отвѣтимъ: не только появится, но въ Галиціи и Буковинѣ уже и появился этотъ вопросъ и все это отчасти осуществлено, отчасти осуществляется на дѣлѣ. Появится современемъ и у насъ. Ну что же изъ этого?

Вѣдь, въ сущности, такого рода возраженія есть для насъ наилучшія доказательства справедливости нашей мысли. Если все это должно появиться какъ результатъ существованія украинской школы,—не ясно ли, что для самихъ возражающихъ стоитъ внѣ сомнѣнія жизнеспособность украинской народности, неминуемо идущей къ возраженію? Не ясно ли, что только запретительными мѣрами надѣются остановить это движеніе впередъ милліоновъ народа?

Но помогутъ ли запретительныя мѣры?

Съ 80-хъ годовъ XVIII вѣка запретили намъ наши школы. Съ Петра I начали запрещать намъ нашъ языкъ, онъ утратилъ одну за другой всѣ

позиціи, остался лишь въ народной массѣ и въ результатѣ возродился въ небывалой красотѣ въ произведеніяхъ Котляревскаго, Квитки, Шевченка, Кулиша, М. Вовчка и др. Его съ 1863 г. запретили снова, но перестала ли существовать украинская литература? Медленно, то разрушая, то обходя препятствія, она продолжала развиваться и находится теперь въ положеніи, обезпечивающемъ ея дальнѣйшее существованіе и развитіе. Въ то же время эта литература вдохнула новую жизнь въ среду денаціонализированныхъ образованныхъ классовъ: она воспитала кадры интеллигенціи, сознательно относящейся къ своимъ національнымъ обязанностямъ, и сдѣлала это при существованіи огромныхъ трудностей, при отсутствіи національной школы и всякихъ національныхъ учрежденій. Вотъ результатъ запретительныхъ мѣръ, съ одной стороны, а съ другой—мы видимъ въ одной литературѣ и во всемъ украинскомъ обществѣ то законное раздраженіе, которое всегда вызывается такими запрещеніями...

Если украинскій народъ не имѣетъ достаточной духовной силы для своего національнаго развитія, то его не спасетъ ни украинская школа, ни все иное. Но если онъ къ развитію способенъ, онъ преодолѣетъ всѣ преграды и будетъ тамъ, куда его влечетъ присущая ему нравственная сила. Съ этой точки зрѣнія будутъ ли устроены преграды, или нѣтъ—это безразлично для конечнаго результата.

Но это не безразлично въ иномъ отношеніи. Борьба съ преградами не только закаляетъ, но очень часто и уродуетъ, и мы видимъ печальное осуществленіе этой истины и на украинскомъ народѣ.

Во-вторыхъ: не лучше ли для великорусскаго народа имѣть въ украинскомъ брата, настроеннаго дружески, а не наоборотъ?

Въ-третьихъ: не лучше ли для всѣхъ вообще, чтобы украинскій народъ, какъ и всякій другой, поскорѣе избавился отъ искажающихъ его духовную природу уродствъ и, возродясь и развившись, дѣятельно принялся вмѣстѣ съ другими за осуществленіе міровыхъ задачъ человѣческаго существованія?

Развѣ же не правъ былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, сказавшій еще въ 1850 г.: „Пусть же украинскій народъ сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность *во всей природной оригинальности ея стремленій*; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ".

А куда это приведетъ?

Да туда, куда приводитъ братское сотрудничество двухъ народовъ, другъ друга уважающихъ и другъ другу дающихъ полную свободу...

Кіевъ, 1905, IV, 15.

